

Юрий Шевчук.

Люди из высокого замка.

Вместо пролога

У "НАШИХ".

(Полтора столетия назад...)

На двух сдвинутых вместе столах, покрытых не совсем чистой льняной скатертью, кипит самовар, стоят стаканы, даже без подстаканников, рядом корзинка с ломтями французской булки... Собравшиеся имеют вид взъерошенный, возбужденный и какой-то «экстренный». Пламя керосиновых ламп ведет странную игру теней на их лицах. Трудно понять, что заставило сойтись вместе этих столь не схожих меж собой людей.

Длинноухий, с тяжелой челюстью, в странной тужурке, пуговицы начищены, бликуют от огня ламп, продолжает:

- Вознамерившись создать на бумаге проект царства безграничной свободы, я вижу, что иначе, как на основе безграничного деспотизма, это царство не создать. И кроме этого пути, не может быть никакого другого!

Шум, скрип стульев, смех, аплодисменты, возгласы... Из-за рояля, курчавый, с бешеными глазами, кричит:

- А я предлагаю взять тех, что лишние, и взорвать их на воздух, а оставить только тех, кто и сможет жить по-новому!

- И, возможно, это было бы самым гуманным решением! – подхватил длинноухий.

Тени на обоях мельтешат, прыгают в бесовой пляске.

- Тише! – стучит ложечкой по стакану старикан, единственный сидящий в кресле. - Вы постоянно мешаєте пророку, а, напомню, пришли все слушать его.

Пусть пророк скажет.

Лицо поднявшегося со стула маленького человечка - в тени. Речь его кажется невнятной и бессвязной. Это заставляет собравшихся притихнуть и вслушиваться.

- Да-да-да! И вы правы, и вы, и вы... И так будет, - кивок в сторону длинноухого, - и по-вашему станет, - поклон пианисту, - и даже по-вашему, вы давеча говорили, что сто миллионов голов снести надо будет. Где там сто миллионов, больше снесут, куда больше! Придут люди – новые люди, ученые, придумают, как махусенькими бактериями, навроде инфузорий, людей извести; выпустят в мир новую чуму. Вот лишние – то и погибнут... А я - то еще похожу, похожу... Я в живой домовине хожу. Ей сноса нет. Еще увижу, всё увижу... И что потом будет, увижу. Рай земной, говорите? И рай будет. А что такое есть этот рай, человек милый? Это место, где ни добра, ни зла - и не было, и нету! Вот так – и будет. Как люди отменяют добро и зло, так новый мир и станет, райский мир – то...райский... Оставшиеся в живых не будут ни во что верить!! Зачем им вера, добро, зло, Бог, Дьявол - они же мировую чуму пережили... Если возможна такая чума, что никого не щадит; если возможно, что люди сами решили от добра и зла избавиться и для этого такую чуму из колбы выпустили... то нет! Нет добра, нет зла, нет рая, нет ада... И всё позволено...

Его голос постепенно затихает, огни ламп мрачнеют, из углов комнаты наползает фиолетовый туман...

ПИКНИК НЕУДАЧНИКОВ

(середина 90 - х годов XX века, берег Финского залива)

Дырявые жёлтые листья, сухие колючие стебли травы, царапающие взгляд... Примёрзший гравий дорожки, заочневшие комья земли, ледяные отпечатки обуви того, кто шёл тут по мокрой глине до мороза. На возвышении - усадьба, превращённая в отель; кирпичные стены цвета запекшейся крови, начинающиеся от пола окна холла, два этажа, мезонин, круглые окошки наверху, труба дымит...

Пахнет осенью и дымом. Я поднялся по широким и низким ступеням, вытесанным в глине холма и толкнул тяжёлую высокую дверь...

За столом администратора сидела серая и невзрачная. Я взял у неё связку ключей и фонарик. Половина дома была заброшена; наверное, у владельцев не хватало денег на ремонт. Я открывал все двери подряд и оставлял их распахнутыми. Подвал был выложен камнем и совершенно пуст. У дальней стены тянуло сыростью из ведущего внутрь холма колодца. Там шевелилось и хлюпало нечто живое... Верхние комнаты были засыпаны мелким чёрным бумажным пеплом. От моих шагов поднялись миниатюрные вихри, в воздухе закружились тёмные нити. Остатки лепнины, крюки от бывших люстр, светлые пятна на стенах - будто негатив человеческой тени. Странный ужас, из детских снов, охватил меня. Казалось, всё это я видел раньше - и свисающие с потолка пыльные, в паутине тряпки, разбегающиеся в ломаной перспективе углы, волчью морду, вдруг выглянувшую из-за двери, и тут же исчезнувшую... Стало жутко оборачиваться. Свист, идущий отовсюду, холодом тянул по ногам.

Спустившись на первый этаж, я толкнул очередную тёмную дверь, и оказался за стойкой бара. Извинившись, кое-как выбрался, лавируя между штабелями ящиков.

Нелли, покачивая полными бедрами, вышла из-за стола - "Всё осмотрел?" - "Кроме конюшен и бань." - "Пойдём." - "В конюшни?" - "В бани. И на берег."

До гостя у нас ещё полтора-два часа. Сауна прогрета до ста двадцати, скамейки свежееотскоблены, в предбаннике стоит можжевельный дух. Есть и самовар, настоящий, на угольках, и баночки чая из Голландии - бергамотовый, земляничный, жасминовый... Тело у Нелли смуглое, блестит от пота, производит впечатление перезревшего - Восток, ничего не поделаешь... Зачем нашим славянским мужичкам были нужны Кавказ, Азия, и иже с ними, если такие вот женщины, тугие, набухшие, черноволосые, для них менее привлекательны, чем тощие крашенные дылды со шлюшескими привычками в любви, усвоенными в восьмом классе средней школы?

В сауне мысли ворочаются медленно, под глаза заливает. "Владеть Востоком наши предки захотели... И вот взошла звезда Востока..." Как много времени упущено. Почти столетие. Которое уже на исходе. И сейчас торопимся, гоним лошадей - чтобы всего-то успеть вернуться назад... Если операция сегодня удастся, Нелли получит достаточно для новой квартиры... Когда по второму разу пили чай, зазвонил телефон - докладывали, гость прибыл. Нелли оделась, высушила волосы и поспешила в усадьбу. Я отправился на берег залива. В конце концов, я не видел звёздного неба полгода. В Питере звёзд нет, а есть багровый туман над острыми крышами. Если этой ночью я умру, то так вот больше и не увижу звёзд.

Море чёрное, льдинки шуршат от прибоя, хрустят битым стеклом под ногами. Перевернутый бочонок, крупные хлопья снега падают на песок. Подул ветер -

тёплый, из Европы. За редкими соснами покачивалась гряда холмов, поросших вереском. Я закрыл глаза и почувствовал, что поднимаюсь в воздух. Древние умели летать и творить мир по образам, возникающим в сознании. А потом часть мозга вырвалась, ушла в подпол, подвал, и мы перестали иметь власть над чудовищами, которыми наше подсознание населило Землю. Я летел над озёрами, холмами, проносился над тёмными деревьями, видел одинокий костёр рыбаков, светящийся диск, вырвавшийся из-под холма и умчавшийся в небо, чёрную прямоугольную тень, мягко и медленно опускавшуюся на замерший от ужаса городок у речной излучины... Тихо. Только лёд шумит, ветер качает сосны, скрипят деревья, где-то влает собака. Туман пополз с воды и окутал мои колени. Снег прекратился, и выглянули звёзды. Странно - так тихо, будто и не идет на планете третья мировая...

...Гость походил на доброго гнома. Маленький, ссутулившийся, седая борода, глаза в морщинках-лучиках. Родной лукавый дедушка в круглых очках, перевязанных верёвочкой. Писатель. Псевдоним - Арский, так он подписывал свою диссидентскую публицистику. А пьесы о доблестных чекистах и повести об искромётно-остроумных физиках он публиковал под своей настоящей фамилией. Конечно, это было до 1968 года, когда исчезли последние иллюзии... А до Чехословакии, батенька мой, он был, знаете, в какой-то степени беспартийным большевиком. Верил в коммунизм с человеческим лицом, хе-хе. И "шкурам" на Маяковке стирку устраивал... И в Политехнический на поэтические вечера бегал. В "капустниках" с кукурузой в обнимку на сцене танцевал. А в 1964 году издал свой наиболее известный роман - "Сослуживцы", который обсуждали на целине Казахстана и у доменных печей Магнитки, на Новоземельском и Семипалатинском полигонах, в тесной чукотской яранге, и в не менее тесном кубрике атомной подводной лодки, плывущей к берегам Индонезии с интернациональной миссией... Что там за сюжет был, у "Сослуживцев" - то?

Три приятеля заканчивают вместе физфак МГУ по специальности "физика атомного ядра" и вместе любят одну девушку, дипломницу консерватории... Нет, там была вторая какая-то дама, кажется, геолог. Она ещё гибнет в конце, когда находит новое урановое месторождение, а вертолёт за ними не прилетает, потому что Фёдор Степаныч, ихний злой гений, пропил бензин, и она волочит на себе рюкзак с радиоактивными образцами все полтора месяца... Чудное описание тайги, в духе Жюль Верна и его "необыкновенных путешествий". А мальчишки в это время строят "голубой город" под номером "Москва-66" в каком-то комарином болоте у подножия хребта Черского, потом изготавливают водородную бомбу, которую ласково называют "изделием" и мечтают, как они в скором будущем смогут заняться исключительно мирными исследованиями. Тем временем консерваторша в столичном ресторане знакомится со стилигой Гогой, у которого клёвые жёлтые штаны, зелёные ботинки и оранжевый галстук. Но

друг и ученик наших ребяташек, младшекурсник - "оперотрядовец" Антон сдаёт Гогу в ментовку и красавица-музыкантша спокойно едет на гастроли в Сибирь по тарифу 1 руб. 35 коп. "новыми" за концерт, где её и окручивает один из "сослуживцев"... Вот что с двумя другими стало, не помню. Спросить, что ли, у Арского? О чём это, кстати, он с Нелли беседует?

Впрочем, какая разница... Клиента надо успокоить, поэтому я перебиваю его бормотание и говорю:

- Я уполномочен Вам кое-что предложить. Вы можете уйти сейчас же, не слушая меня - но вас убьют. А если выслушаете меня и не согласитесь - останетесь живы. Я обещаю вам это - хотя и с удовольствием лично пристрелил бы вас.

Хотя я говорил плохо и вяло, у него глаза загорелись - ах, какое приключение жизнь ему подарила под занавес! Смертельный риск, большие европейские дела, схватка с мафией, красивая и чужая женщина, разноцветные бутылки в баре, заброшенная дворянская усадьба с привидениями, впереди - море, справа - холмы, слева - трясина, а назад нет дороги, "нам в обратный путь нельзя". И вообще, "слава Богу, мой дружище, есть у нас враги - значит, есть, наверно, и друзья"... Извращённое сознание "шестидесятника" не позволило Арскому заметить, как мы и рассчитывали, ни моей дурной аффектации, ни самой безвкусицы происходящего, всей театральности, неестественности этого сиюминутного людского копошения на фоне древних холмов под вечными звёздами. К сожалению, пока он и ему подобные ничтожества имеют влияние на определённый слой людей, надо играть в их пошлые игры, а не говорить всем правду - прямо и открыто.

Арский ещё водочки глотнул и говорит, тихо так, но уверенно:

- Хорошо. Я докажу - даже вам - что вы и ваша банда – сами подлецы и подонки.

Вот и хорошо, думаю я в стиле "братьев С.", вот и договорились, уяснили, так сказать, позиции...

- А теперь, - я налил коньяку, - я позволю себе, уважаемые коллеги, кратко остановиться на истории того вопроса, ради поиска компромисса по которому мы и притащились сюда.

(К сожалению, мы пока еще не можем рассказать о содержании нашего разговора с Арским. Не все его участники уже умерли. Вот я, например, еще жив..)

.....

- А вы сами – были на войне? – спросил Арский.

Я выпил уже стакан коньяка, но ощущал себя отвратительно трезвым. Выпил ещё на палец и почувствовал, что глаза заслезились - от сигаретного дыма ли, от мыслей о виденном там - на другом конце долгой вонючей дороги... Впрочем, там, куда ни поедешь - все дороги вонючие. Кивнув в ответ на вопрос, заговорил:

- Представьте осаждённый чьими-то боевиками дом - деревянный, столетний, стоящий на неотёсанных камнях, как на сваях; доски стен черны от сырости, плесень вокруг, резные ставни под пулями хлопают, труп - груды тряпья - в канаве, свинья роется, стёкла битые, мёртвый малыш на веранде... Ребёнку было года два или три, голова размозжена, наверное, прикладом. Вчера он, на слабых тонких ножках, бежал, счастливый, спотыкаясь навстречу отцу, возвращающемуся с поля; и было у него всё - тепло, любовь и еда, и был у него друг - щенок, защитник - мама, а из врагов - петух, большой, грозный... Я всё это видел. И не только это.

- Вряд ли погибшие согласились бы умирать ради ваших нефтяников или газовиков, - заметил Арский.

- Ну конечно. Дело не в них. Причина войны, на которой я был, как и всех других в нашем веке, одна - конкуренция между направлениями путей, по которым пойдёт цивилизация. Трасса газопровода - уникальное вещественное отражение тех глобальных путей, настолько уникальное, что ситуация кажется надуманной. Всё дело в том, что планета оказалась мала для человечества. Нас стало слишком много. Предел роста человечества - хозяйственная ёмкость биосферы Земли, составляющая примерно 1% от чистой первичной продукции биосферы - фотосинтеза. Вы меня слушаете?

- Да, да, - как-то неопределенно махнул рукой Арский.

- Не знаю, интересно ли будет вам узнать, но порог устойчивости человечество перешло в конце девятнадцатого века. Первая мировая - начало массовых попыток природы снизить напряжение, испытываемое ею от избытка человеческих существ. Эту войну те из людей, которые слушали тайные приказы природы, стали готовить с середины XIX века - внедряли в общество идеи иерархии, неравенство народов внутри одной расы, идеи человека будущего, сверхчеловека... А закончилось всё банальной уголовщиной Гаврилы Принципа, казаками и сенегальцами в Европе...

- "Над подушкой картину повесили, повесили лихого солдата, повесили, чтобы мальчику было весело, чтобы мальчик не плакал, когда вода из умывальника капает... Казак улыбается лихо, на казаке папаха, казак проткнул своей пикой другого, чужого солдата, и красная краска стекает на пол...", - прочел медленно Арский.

Он вдруг как-то быстро устал. В конце концов, ему уже много лет, подорванное в лагерях здоровье, а пить ночь напролёт очень даже тяжело... Я заметил, что он почти ничего не ест. Нелли встала и куда-то удалилась.

- Тогда вместе с Реймским собором был расстрелян целый мир - мир торжества закона и правопорядка белой расы на всей планете, мир "доходных домов" - в каждой квартире ванная и комната для прислуги, голландская печь с изразцами или камин, на лестнице - цветные витражи в окнах, в подъезде дворник топит печь и лежит ковровая дорожка, а в магазинах - шоколад в серебряной обёртке, и

метель, и запах Рождества, тепла, уюта, папиного трубочного табака; огромный карандаш из витрины..., - я заполнял подобным бредом паузу, которая могла разрушить всю беседу.

Тут вернулась Нелли и произнесла:

- «По-моему, вам пора освежиться...»

- А? Да-да... Я сам хотел..., - Арский тяжело поднялся из-за стола.

Подсвечивая себе фонариками, мы шли по заброшенным комнатам, время от времени вспугивая маленьких старух в чёрных накидках, с шуршанием убежавших в тень и шипящих оттуда что-то непонятное. Серебряные в лучах света нити, как живые шевелились по углам - а может, они и были живые...

Арский увлечённо рассказывал Нелли что-то об альпинистах своей юности. Небось, ещё с наркомом Крыленко, в толстых ватных штанах и мотоциклетных очках на пик Сталина поднимался... "Вот это для мужчин - рюкзак и ледоруб..."

- И всё-таки, это было прекрасное время, - донёсся до меня голос Арского.

- Великая эпоха, - эхом отозвался я.

- А теперь - в подвал, - ласково произнесла Нелли. - Он оформлен в стиле Эдгара По - маятник, правда, ещё не подвесили...

- Нет!

Неужели это я крикнул?

- Не надо сейчас туда. Я слишком много выпил. Там крутые ступени. Боюсь, не выберусь..., - быстро пояснил я скорее для себя, чем для Нелли.

- Тогда - в сауну, - ровно произнесла она, пропуская Арского вперёд.

Я шагнул за ним. Она резко обернулась и беззвучно подняла верхнюю губу, оскалив острые клыки мне в лицо.

... В сауне Арскому полегчало. Он начал напевать "...затопи ты мне баньку побелому...", и углубился в воспоминания о борьбе с КГБ. Я особо не вслушивался. Поэтому в голове у меня засело какое-то ассорти из худых сероглазых чекисток с прямыми белыми волосами и презрительно скривленными губами, "отказников" в круглых шапочках на темени, огромных машинописных альманахов "самиздата", мрачных представителей "наружки", ночных обысков, безденежья, голода, взаимного недоверия и доноительства, лжи, иностранных корреспондентов с блестящими зубами и аппаратурой, пустых заплочных чаепитиях на чьих-то кухнях или дачах... Тут же были и лесные костры у палатки, гитара, песни Галича, голос с акцентом из радиоприёмника, пробивающийся сквозь глушилки, квартирные выставки картин где-то в Останкине, магнитофон системы "Яуза", а потом - "хмурый над тайгой ползет закат, строем на снегу - пятьсот зека, ветер мокрый хлестал мочалкою, то накатывал, то откатывал, и стоял вертухай с овчаркою..."

- Я недавно обнаружил превосходную коллекцию записей Галича - у одного физика-ядерщика в Сосновом Бору, - сказал я. - Станный вы всё-таки народ, "шестидесятники". Слушали Галича и делали бомбу для диктатуры пролетариата.

Вы до омерзения были включены в это общество - нет, не вы лично, скорее даже наоборот, вы-то из него выпали. Но ведь все ваши друзья - хорошо, почти все, - спокойно работали на режим, и не на последних ролях, то есть делали то, что простой "центральной" фарцовщик себе не позволял. Как-то странно, что вы, несмотря на всю образованность и культуру, имели иллюзий больше, чем тусующаяся у Гостиного шпана, которая клала себе прибор на социализм с Марксом и Сталиным вместе взятыми и верила только в баблы с портретами президентов...

- Не понимаю, - досадливо поморщился Арский, - как вы можете жить с такой ненавистью в душе? Наверно, очень вредно для печени...

- Ненависть ко злу помогает жить, - ответила за меня Нелли.

- Нет у меня ни зла, ни печали, ни гордости, ни обиды, - сказал я. - А есть только северный ветер... Сейчас стоит вопрос о том, каким образом произойдет депопуляция человечества, необходимая для приведения антропогенного воздействия на биосферу планеты к верхнему порогу предельной хозяйственной ёмкости. Обратите внимание - всего лишь "каким образом", не более того.

- И всё-таки я верю в разум, - гордо сказал Арский. - Верю в человека. Верю в то, что он не просто вид высших позвоночных, но ещё и социальное существо, которое способно преодолеть законы природы и найти выход из той, разумеется, катастрофической ситуации, в которой мы сейчас находимся.

Пафос его речи несколько портило то обстоятельство, что произносил он её распаренный, в простыне, за чаем, пока совершенно голая Нелли массировала ему плечи.

...Едва добрались до бара, как погас свет. Девочка за стойкой зажгла свечи и разнесла их по столикам. Перестал работать видеомаягнитофон и под затянутым тканью потолком повисла тишина. Нелли села за фортепиано, и заиграла какое-то попури. Время от времени, казалось, хаотично звучащие ноты складывались то в Окуджавские, то в Визборовские мелодии, звучащие в Неллиной аранжировке как поп шлягеры.

- ...С песней в пути легче идти, только разведка в пути не поёт - ты уж прости, - пропел в унисон Неллиной игре Арский на удивление приятным баритоном. - Ваша партнёрша талантлива. Это - ранний Галич. ...Осмелюсь только напомнить вам, что до третьих петухов - полтора часа, а я так и не переменял своей точки зрения. Впрочем, вы тоже. Хотя меня это не касается. Да. Зло пришло в мир. Но пропоёт петух, и вы исчезнете, как ночной кошмар. И когда-нибудь, попомните моё слово - петух пропоёт над всей Россией...

- Пока он пропоёт, Россия от вас трижды отречься успеет, - сказал я. - Вы магнитофонных записей нового пророка не слушали? Очень интересно будущее описывает...

Как-то незаметно в уголке бара появился новый посетитель. Совершенно обычное лицо, непонятного цвета совковый костюм. Я узнал его - очень дорогой

киллер, мне показывали фото, предупреждали. Значит, Арский обречён. Возможно, и нам с Нелли отсюда не выйти. Наверно, зря я Нелли остановил перед подвалом...

А там, за стенами усадьбы, за пеленой тумана ждут меня холмы, поросшие вереском, на плоских вершинах которых валуны складываются в загадочные узоры, трясина с бездонным озером в самой своей сердцевине, непонятно кем зажжённые костры и тёмные, нечеловеческие фигуры вокруг них, давно умершие люди в истлевших плащах крестоносцев верхом на лошадиных одрах под железной попоной... Что там сморозил Арский? "Зло пришло в мир?" Чушь. Зло страшно. Но оно предполагает наличие добра. Отсутствие и того, и другого - вот что есть Природа. И это страшнее в бесконечное количество раз.

Арский что-то говорил. Я прислушался.

- Вы отрицаете всё, что было создано в XX веке - человеческое достоинство, права личности, практику либерализма. Вы готовы ради своего "устойчивого развития" ввергнуть людей во мрак средневековья, посадить их за лучину...

Он осёкся - смешно это говорить, когда бар освещался лишь тремя свечами.

- При свечах, гусиными перьями, без компьютеров, в деревянных усадьбах, были разработаны и отлиты в чеканные формулировки все те ценности, о которых вы говорите, - сказал я. - Потому что они - ценности XIX века, времени, когда на Земле было место для человека. Мы их оставим. Только слегка конкретизируем. К примеру, Декларацию прав человека дополним пунктом: "данные права принадлежат лишь тем людям, которые их добивались лично, и не могут быть переданы по наследству." Вообще, какая чушь - давать текст о правах человека без определения - что есть человек? Да, вы не хотите этого признавать - но жили вы, в сущности, зря. И теперь очень нам мешаете.

- Значит, вы - "за" наступающий фашизм? - устало улыбнулся Арский.

- Есть два реальных варианта будущего мира, - терпеливо начал я объяснять, - тоталитарный и сегрегационный. Первый - это единое мировое правительство из числа лидеров транснациональных корпораций, ведущее мир якобы к спасению и иначе, как тоталитарными методами, просто не могущее действовать. Второй - вариант, когда каждый, пусть совершенно крохотный регион получает возможность строить свою модель политико-экономического развития, исходя из национального характера населяющего его народа и физической географии местности, и никто в его дела не вмешивается, и никто никому бесплатно не помогает техникой и продовольствием - только честная торговля. Кому природа предопределила вымереть - те вымрут. Оставшиеся будут жить достойно человека. Так как я выступаю за второй вариант, а вы, сами того не желая, лоббируете первый, то фашист - вы, а не я. С вами, как носителями либеральной идеи, на плечах которых фашизм ворвался в наши города, надо покончить.

- Вы что, - Арский внезапно показался мне совершенно трезвым, - считаете, поговорив с вами одну ночь, я предам всё - культуру, цивилизацию, друзей, идеи,

себя, свою жизнь? И стану другим человеком?

- Нет, - ответил я правду.

И тут он понял...

- Вы с самого начала хотели меня просто убить, - тихо проговорил писатель. - Фон Корен, исследователь Арктики ... Значит и Чехова - не надо? Вы дали слово - если выслушаю...

- Чушь, игра, дурновкусие, - быстро произнёс я, спиной чувствуя холодный, как дуло взгляд киллера. - Никто вас не убьёт. Вы пейте, пейте...

И он выпил поданную мной красную жидкость... Затем откинулся в кресле. Пламя свечи перестало дрожать от его дыхания, вытянулось и зачало.

- Надо будет перечитать "Дуэль", - сказала Нелли. - Что покажет вскрытие?

- Стенокардию, - ответил я, приподнимая веко писателя. - Как это всё-таки грязно вышло...

Киллер исчез - словно и не было. Арский полулежал в кресле, а перед ним горела свеча. Окон в баре не было, но я чувствовал - за деревянными стенами занимается холодная серая заря нового дня. Жаль, что я никогда не смогу полюбить тех, кому этот день будет принадлежать.

Ветер в ивах, ветер в соснах...

(где-то в Восточной Европе, нулевые)

“Как ветер жесток,
Бьются волны в недвижные
скалы,
Будто это я сам:
Во мне все рвется на части
Теперь, в ненастливый
час”.

/Минамото-но Сигэюки,
ум. 1000 г. н. э./

Слепящая лунная линия рассекала надвое черное зеркало застывшего моря. Замерли черные сосны на ярком песке дюн. Неслышно спускались из ниоткуда крупные снежинки и тут же таяли на песке и в воде...

Марек открыл глаза. Лотта уже встала; из ванной доносился шум душа...

... Она заливала клубничные мюсли молоком и наблюдала, как с тихим шелестом осыпается в белое озеро золотисто-оранжевый холмик с красными крапинками. Он рассеянно смотрел в окно, на гряду крыш до горизонта, на пустое светлое небо, на черточки антенн, сливающиеся в рябь.

За кофе он спросил:

- Зайка, у нас еще остались деньги?

Она потерлась щекой об его руку и замурлыкала. Потом сказала:

- Да. До завтра. Ведь завтра тебе заплатят за перевод?

- Обещали, конечно, - Марек пожал плечами.

- Не думай об этом, милый. Я что-нибудь придумаю. А сегодня куплю тебе большой бифштекс, в три пальца толщиной. И оливок. Мужчина должен есть много мяса.

- И оливок, - улыбнулся он.

- И оливок, - серьезно произнесла она. - Разве ты не знаешь? Они предотвращают проблемы с потенцией. Вот представь себе - пройдет лет пятьдесят, - она вздохнула, - я буду никому не нужной кухаркой, а ты будешь в отличной форме, и вновь женишься на двадцатилетней девушке. И когда ты поразишь ее своими неожиданными способностями...

- ... ты появишься из кухни и, шамкая беззубым ртом, произнесешь: “Это все олифки, милошка, олифки”, - закончил за Лотту Марек.

- Милый. Мне надо идти. Меня ждут. Но ты, наверно, видишь, как мне не хочется...

- Как раз вижу, что хочется. Но другого...

... Лотта ушла - джинсы и летний свитер, легкие закрытые туфельки. Марек как-то сказал ей, что не терпит вида женских босых пальцев, вылезавших из сандалий, покрытых уличной пылью, растопыренных, приподымающихся, как змеиные головы при ходьбе - и с тех пор Лотта носила только закрытую обувь.

Марек налил себе еще кофе и придвинул поближе стопку бумаги, японский словарь и подстрочник.

“Какая красивая луна, - прочел он. - Спросил выпивку в корчме, а служанки только хихикают, и ни слова в ответ...”

- Наверно, не хотят больше наливать в долг, - сказал он вслух. - А если бы вы, Котомити-сан, не бросили коммерцию и не удалились бы в скромную хижину на окраине города изучать дзен... впрочем, как же мне вас трактовать?

“Как прекрасна луна!

Спросил выпить в корчме -

А служанки

Все хихикают, глядя,

И ни слова не говорят”.

М-да. Дерьмовый вид, хуже подстрочника. Попробуем так.

“Месяц больно хорош!

Спросил, не найдется ли выпить -

А служанки в корчме

Только смеются в ответ...”

Теперь пропала пятая строчка. И не смеются они над стариком - стариком ли? - впрочем да, по меркам XIX века он уже старик - а хихикают от смущения,

неудобства, вино ведь не их, хозяин запретил давать, наверно... Но первые строчки вышли. Вышли. Теперь две последних:

“А служанки в корчме
Все хихикают без причины
И ни слова не отвечают...”

... Хотя в прошлый приход в галерею Лотта скинула цену своих картин вдвое, а ниже нельзя, холст и краски тоже чего-то стоят, ни один пейзаж не был продан. Римма, толстая, неопрятная, курящая сугубую гадость, совсем не похожая на галерейщицу, держалась сочувственно и напоила кофе. Размахивая папиросой, она гудела:

- Берут “кабинетный реализм”, девочка. Сама посуди, куда твои картины вешать? В кафешку, разве - да нет у них денег, они репродукции Кандинского и Шагала вешают. Смотри, девочка, что берут: брандмауэр, залитый солнцем, резкие тени, одно-единственное окно, слепое, блестящее, но за ним кто-то есть, он смотрит оттуда, как сквозь бельмы слепого смотрит человечья душа, затерянная в вечном мраке... Знаешь, сколько за нее дали? Я говорить не буду, ты умрешь или бритвой по картине полоснешь. А у тебя - лужок, пастораль... Девочка, ты счастлива. Я, когда счастливой была - что, не похоже? - тоже не могла работать. Да это у всех так. Закати Мареку скандал, убеги из дому, переспи с ресторанным кобелем, почувствуй себя сукой - напишешь то, что купят. Или не торопись, подожди, пока само все произойдет...

... Марек откинулся на спинку кресла и достал из кармана спичечный коробок, в котором лежал подготовленный ещё прошлым вечером “косяк”. Повертел в руках, прикурил, задумался.

“А может, поэту не наливают не потому, что у него нет денег? И деньги есть, но вот полная луна... приливы... девушки в корчме взволнованны... не до работы им. Тогда это стихи о любви... Дзен. “Вечное в текущем”. Да... Все не так просто. Но тогда - не месяц. Полнолуние. Не ущербный месяц - полная луна. Первая строчка должна звучать так: “Как прекрасна луна!” Правда, Окума Котомити всегда избегал превосходных эпитетов... “Как хороша луна!” М-да... Никакой связи со второй строчкой... Видимо, оставим месяц, и оставим Котомити-сан нищим алкоголиком... Что там дальше?”

... В кафе “У Симона” Лотте хватило денег лишь на горшочек простокваши и чашку кофе со сливками. По правде, можно было бы взять еще и круассан, но тогда бифштекс для Марека оказывался под вопросом, а еще хотелось купить баночку артишоков для себя. Лотта очень любила их, мамочка всегда подозревала беременность и гнала к гинекологу... Смешно. От кого ей было беременеть? Умненькие худышки в очках не котируются в выпускных классах

школы. Особенно, если эта школа находится в Кожевенном переулке...

- Привет, - кто-то подошел к ней сзади - Лотта сидела за стойкой, оббитой железом, - и полуобнял за плечи.

Было обеденное время, и посетители кафе, сидя, касались локтями друг друга. Справа от Лотты юноши в однотипных фланелевых костюмах и белых рубашках листали какие-то бумаги, обильно поливая их кофе; нищенка Марго, в своей неизменной шляпке, дергала из вазочки бесплатный арахис; толстяк Бюрэ, полицейский, накачивался пивом; слева незнакомая дама, высокая и элегантная, с гладко зачесанными и забранными в пучок волосами, смотрясь в зеркальце, подкрашивала губы.

Лотта обернулась. За ее спиной стоял Чарми, юный индеец, поэт, пишущий по-английски, которого она уже переводила.

- Чарми, господи, ты напугал меня. Мне показалось, что это Диего.

Огромную фигуру мексиканца, художника-монументалиста, она увидела мельком в глубине зала сразу, как зашла.

Чарми не улыбался. Он был бледен - точнее сер, так как кожа его от рождения была смуглой.

- Лотта, она здесь. Я чувствую.

- Кто?

- Она. Смерть. Она пришла за мной.

- Чарми, что с тобой? Не говори глупостей. С чего тебе умирать? У тебя железное здоровье.

Лотта, разумеется, не приняла всерьез испуг индийца - в конце концов нет такого поэта, который время от времени не предчувствовал бы свою смерть.

- Лотта, я выгляжу дураком, я знаю. Но она правда здесь. Может, это и к лучшему.... Вот, возьми.

Он передал девушке сложенный вдвое листок бумаги.

- Это последнее, что я написал. Прочти и переведи, если захочешь...

Резкий щелчок заставил их замереть. Это соседка Лотты захлопнула пудреницу. Потом неодобрительно посмотрела на Чарми и отвернулась к окну.

Тут же стекло разлетелось вдребезги, на пол кафе упала граната, а ломающийся мальчишеский голос с улицы прокричал: "Капитализм - дерьмо!"

Лотте показалось, что взрыв был. На самом деле в гранате взорвался только запал. Ручка оторвалась и попала Чарми в висок. Он скончался практически сразу, без слов и страданий. Но всего этого Лотта не помнила.

Она пришла в себя на скамейке бульвара, заботливо поддерживаемая той самой элегантной дамой, с гладкой прической.

- Он умер? - спросила у нее Лотта.

- Разумеется, - спокойно сказала дама.

- Спасибо вам... сударыня... Вы так добры... Спасибо...

- Не за что, барышня Лотта Штайер.

- Вы знаете, кто я? Мы, наверно, знакомы... Конечно, я у Симона ведь почти всех знаю...

- Нет. Мы не знакомы. Я читала ваш перевод “Охоты на Снарка”, и он мне понравился. Вот я и запомнила ваше имя.

- Но... Я еще только получила заказ на этот перевод...

- Ну, значит, вы его сделаете потом, какая разница... Главное, он у вас здорово вышел... то есть выйдет. Я постоянно путаю времена. Видите ли, для меня никакого времени нет... то есть, там, где я - нет времени... Ну вот, я и вас запутала... Простите, мне надо идти, а то с беднягой поэтом поступят невежливо...

- Пойдите...

Дама встала со скамейки, но с места не двинулась.

- Как вас зовут? - спросила Лотта.

- Смерть, - ответила дама, порылась в сумочке, вытащила пачку “Мальборо” с пониженным содержанием никотина, закурила, и не спеша пошла по бульвару к реке.

“Она сумасшедшая, - подумала Лотта. - Как жалко - такая красивая и - сумасшедшая. Наверно, гибель Чарми так подействовала на нее... Бедняжка”.

... “Ночь провалявшись
и веки с трудом разлепив,
соображаю,
что хватил сакэ накануне
до полнейшего непотребства...”

Всегда думал, что сакэ - слабоалкогольный напиток, и пьют его из крошечных рюмочек. Да. А стих пошел. Травка помогает. Ну-ка, попробую еще, пока не начался отходняк...”

... В издательстве “Птицы” Лотту встретил заместитель редактора, молодой, легко краснеющий блондин. Он, пряча глаза, сказал, что гонорар ей еще не выписан, и, совсем смутившись, предложил поужинать в “Риме”. Лотта не хотела соглашаться, но на удивление, согласилась...

Блондин - разумеется, Ванек, как еще может зваться такой пушистый крольчонок, - заказал кучу дорогущей еды, а сверх всех аперитивов - шампанское. Лотта понимала, что дело нечисто, но ей было все равно. Она вначале подумала, что не сможет есть, но, продолжая удивляться себе, ела с аппетитом и воспоминания о несчастном Чарми ей ничуть не мешали.

Ванек не был дураком - не сказав ни слова о женской привлекательности Лотты, говорил исключительно о ее таланте, тонком понимании английской поэзии, музыке стиха, о том как он горд тем, что работает с ней, как он ждет ее новых рукописей, как он восхищается ею...

Лотта почти поверила. Полностью поверить мешало шампанское. Впрочем, Ванек оказался умницей до конца - они заехали в супермаркет за бифштексом, оливками и артишоками (хватило,хватило, и мелочь осталась!), потом он отвез ее домой - и лишь тут нежно коснулся губами ее руки. И все. Лотта была довольна.

... Лестница показалась ей длиннее обычного, а лампочки на площадках светили тусклее, чем вчера. Противно пахло бигосом от соседей - поляков. Марек полулежал в кресле. Лотта машинально сосчитала количество окурков в пепельнице. “Три, - подумала она. - Всего три. Прорвемся”.

У них в мансарде не было камина. Но она зажгла свечи, и кормила своего мужчину кровавым мясом, глядя на огонь, и в его глаза, где этот огонь отражался. А потом они любили друг друга на ковре спальни, у открытой двери, выходящей на крышу, и Лотта вначале боялась услышать тяжелые, грохочущие по железу шаги трубочиста, а потом перестала бояться.

А потом они оделись и говорили о понятии ветра в японской и английской поэзии, и к полуночи вывели, чем отличается ветер в ивах от ветра в соснах.

А потом Лотта рассказала о Чарми, и Марек засопел, и достал откуда-то бутылку дрянной сливовицы, но больше ничего не было, и они выпили, и помянули Чарми.

Лотта вынула его листок из кармана джинсов и, разгладив, перевела, постаравшись, чтобы и Марек почувствовал то же, что и она, читающая английский оригинал:

- Разбитая повозка дребезжит и плачет,
Кто в ней? Друг Франсуа Вийон,
иль Скарамуш?
Кашперле или Гурвинек?
Мы с Белою Ногою ждем в таверне. Здесь
Звенят бокалы, грубы голоса,
Здесь речь невнятна.
Свечи на столе - и смерть
глядит в окно. И ветер. Ветер. Ветер...

Марек обнял ее и прижал к себе.

- Никогда. Никогда, - прошептал он. - Ты никогда не умрешь. И не постареешь. Никогда.

... Лотта уложила его спать, укрыла легким пледом и пошла на кухню мыть посуду. Она мыла тарелки и бокалы, ставила их в сушилку, и думала, что она сделает со своим гонораром, когда все-таки его получит. Потом, вздохнув, произнесла вслух: “Бедняжка Ванек” - и охнув, замерла, прислушиваясь к спальне.

Потом она села заштопать чулок, потому что другой пары не было. Это - скучное и кропотливое дело - но Лотту развлекало то, как блестит игла,

притягивая свет лампы.

А потом она вышла на крышу, вдохнула ночной воздух и подумала, до чего же хороший день у нее сегодня был... И еще подумала, что впереди таких дней много, очень много. Пока хватит сил. Лет пять, а может быть, даже семь. Семь лет. Есть еще уйма времени.

Холодный день в ноябре. (Северо-Запад России, первая четверть 21 века)

На мокрых булыжниках улицы Водной Заставы лошадь поскользнулась, но Андрей натянул поводья, и все кончилось хорошо. Неспешной рысью он объехал вокруг замка по двум мостам над фьордом и, пропустив спешащий куда-то в темноту, с сиренами и мигалками, полицейский патруль, под накрапывающим дождиком, по набережной, отворачиваясь от утреннего бриза, добрался до «Совы». Андрей привязал кобылу к железному кольцу, вбитому в стену, и, толкнув тяжелую деревянную дверь, вошел в темное пространство.

Услышав его шаги, за стойкой засветили керосиновую лампу. Андрей, снимая перчатки, уселся на высокий табурет. Связки тростника по стенам, сети, бочки и якоря обозначали профиль харчевни.

Алиса вышла из-за стойки, подошла к Андрею и слегка коснулась губами его щеки. Он рассеянно провел рукой по ее прямым черным волосам.

- Доброе утро, - произнесла девушка.

- Доброе, - отозвался Андрей. - Не подходи близко, от меня пахнет лошадьё и потом.

- Чушь, - пожала плечами Алиса. - Только дождем и ветром. Что будете есть?

- Поджарь форель покрупнее. К ней - свежего сельдерея и две вареные картошины с топленным маслом. Лепешку, горячую и свежую. Чистой воды из родника. Крепкого чая, к нему – сушеного ананаса. Чай - с бергамотом, если возможно. В полулитровом чайнике, и без глазировки.

- Хорошо, - кивнула Алиса. - Вместо форели могу предложить свежеекопченого угря, на рассвете с костра. Попробуете?

- Пожалуй, - Андрей улыбнулся, взял подсвечник со свечой со стойки и, запалив фитиль, пошел к столику у стены, сложенной из грубых камней 400 лет назад.

... Спустя полчаса, когда от рыбы остался скелет, в «Сове» появился еще один посетитель.

Тысячелетие назад он был бы ткачом или гранильщиком драгоценных камней. Твердые и грубые ткани, в которые он одевался, казались припорошены пылью. Длинные волосы, перетянутые лентой, опускались на плечи. Глаз было не разглядеть за очками, в которых дрожало пламя свечи.

Андрей поднял руку в знак приветствия, и молодой человек, кивнув,

направился к нему, по пути сказав Алисе:

- Заинька, кофе, и побольше, пожалуйста.

- Андрей, привет, - он сел напротив. - Все получилось.

- Доброе утро, Ферзь, - ответил Андрей, щипцами отломив сахара от колотого куска. - Что получилось?

- Что получилось - ты не поймешь, потому что не сечешь в компах. А что будет - скажу. Нам будет приходиться еще больше денег. Я запустил в сеть новую программу, которая...

- Я все равно не пойму, ты прав, - перебил Андрей. - Нас не засекут?

- Засекут, но не нас. Все продумано.

- А что с другими программами?

- Три сегодня сдохли, но остальные восемьдесят шесть живут. Общий объем сумм, которыми мы можем ежедневно распоряжаться, составляет три миллиона долларов.

Алиса принесла поднос с чашкой, кофейником и сахарницей.

- Холодно сегодня, - Ферзь поежился.

Андрей молча смотрел на него.

- По основному направлению - пока ничего, - наконец произнес Ферзь. - Проще испортить энергосистему изнутри, чем вырубить ее извне. Пока ничего.

- Ферзь, Ферзь, - сказал Андрей. - Ты же представляешь, как это нам нужно. Нам очень нужно иметь возможность в любой момент парализовать государственную машину. Деньги - это аккумулированная человеческая энергия, и она нам необходима, но электричество - кровь государства...

- Еще несколько дней, - сказал Ферзь. - У меня получится.

Огонь свечи дрожал, и тени говорящих метались по каменным стенам. За ставнями окон вставал рассвет. Дождь усилился, и лошадь Андрея пофыркивала у двери. Бергамотовый запах перебивал крепкий аромат кофе...

Поставив кобылу в конюшню, первую половину дня Андрей, как обычно, провел в башне бывшей Ратуши, где оборудовал себе кабинет. Ему принесли газеты - десятка два названий, компьютерные новостные сводки, выведенные на бумагу, и сводки радиоперехвата. Некоторое время Андрей просто смотрел в окно на панораму фьорда, завешенную легким туманом. Потом начал читать.

Мир, умирая, корчился в агонии. С Юга надвигалась волна зверства; вырожденцы Севера старались ее не замечать, отдавая дикарям квартал за кварталом в своих городах и народ за народом в странах соседей. Боль, ужас, страх, гнев и страдание, превращенные в черные буквы на белых листах, лежали на столе Андрея.

Он отметил пять сообщений: про то, как дети в городе на Волге сожгли в мусорном баке у школы собаку со щенятами; про геноцид белой общины в одной из центральноазиатских республик; про резню на тропическом острове; про

возрождение рынка рабов в центре черноморского города; про успехи французских медиков в создании вакцины против СПИДа.

Потом позвонил по телефону и попросил зайти Марию.

Когда мулатка появилась в кабинете и села за маленький столик у узкого окна, Андрей начал диктовать.

- По пункту №1. Группе СМИ - в городе Б*** усилить пропаганду против наркотиков среди молодежи, разъяснять типы наркотиков, их действие, способ применения; попутно распространить «самиздат» с описанием процесса их изготовления. Торговому отделу - направить в магазины Б*** большие партии лабораторной посуды для химических опытов, под видом поставок в школьные лаборатории. Руководитель темы - Аликс, ожидаемый результат - рост наркомании среди подростков на 50 % за год. Пусть мучители испытывают муки. По пункту №2. ... Не пиши ничего, пригласи из лаборатории Штольц. По пункту №3. Ферзю - продумать возможность обвала валюты государства И***. По пункту №4. Опер-группе - обеспечить нападение на пограничников; или иным путем вызвать ужесточение режима; в общем, закрыть границу с работоторговцами, а то местные начальники всех сограждан до Воронежа продадут. По пункту №5. Загранотделу - указанного доктора ликвидировать; группе СМИ - распространить информацию о том, что данное направление борьбы со СПИДом - тупиковое... Жалко человека, конечно, но не дурак ли? Только на СПИД и надеемся... Спасибо, Мария, разошли это, и зови Штольц, у нее опять мобильник выключен.

... Эстер Штольц появилась через полчаса. Андрей к тому времени сварил кофе и уселся в кресло, у того стола, где сидела Мария. Эстер взяла чашечку худыми длинными пальцами, покачала ее и поставила обратно.

- Я всю ночь пью кофе, - сказала она. - Сегодня еще не ложились. Опыт будет идти еще три часа, а печень уже болит.

- Оставь все на Мишку и иди поспать, - сказал Андрей.

Эстер досадливо махнула рукой и спросила:

- Что там у тебя?

Андрей отдал ей отчеркнутый текст.

- Избирательности мы пока не добились, - прочитав, сказала Эстер.

- Плевать, там все равно не осталось европейцев.

- А носитель?

- Запустим ракету с подлодки, закамуфлируем под учебные стрельбы.

Военморы и знать ничего не будут. Наши сотрудники - все привиты?

- От этой бациллы - да.

- А есть новые?

- Есть. Этническая, из Китая.

- Это хорошо.

- Чем больше узнаешь о других людях и народах, тем больше отвращения

они вызывают. Это естественно.

- И в этом наша надежда. Привей всех и от этнической бактерии; все мы, вероятно, на сколько-нибудь монголоиды, зачем рисковать. А этих, в Такомтостане - уברי, пусть не позорят людской род.

- Другие останутся, - вновь пожала плечами Эстер.

- Мы что, всемогущи? - улыбнулся Андрей. - Что сможем, сделаем. Что не сможем - сделают другие.

- А они есть, эти другие?

- По логике и по газетам - вроде есть. Ведь то, что мы делаем - это так просто... Наверняка еще кто-нибудь придумал то же самое... Да хоть тот же самоназванный пророк, о котором все говорят...

До обеда Андрей зашел в библиотеку - как бы за книгой, а на самом деле увидеть Ольгу.

По световым люкам в потолке стучал дождь, и прямо между деревьями парка библиотеки пролетали клочья облаков.

Ольга предложила Андрею кофе, и он согласился, хотя не любил растворимого.

Она рассказывала про очередной семинар фантастов, который посетила, и про Бориса Натановича, который тревожится за судьбу фантастики - никто - де мол не пишет о будущем, о таком мире, в котором хотелось бы жить и работать, а Андрей отвечал, что ему хотелось бы жить и работать не в НИИЧАВО, а в Англии из романов про Эркюля Пуаро или, в крайнем случае, Шерлока Холмса. "Но тогда не было пенициллина", - говорила Ольга. "И второго Флеминга тоже", - отвечал Андрей, - "Что, конечно, очень жаль". А потом они говорили, что все идет в общем-то хорошо, и мир, наконец, стал возвращаться к прежнему состоянию, - где кочевали дикие орды, там они и кочуют, где торговали рабами - вновь торгуют, и у Андрея с Ольгой отличная работа в этом ужасном мире, тяжелая, но очень интересная, и так вот только и стоит жить и работать...

А потом они посмотрели друг на друга и пришли к выводу, что мир вовсе не ужасен - и даже, возможно, прекрасен, и манихеи не правы - он вовсе не порождение зла, а создан добрым Богом, а зло - есть не что иное, как умаление добра, доходящего до полного своего исчезновения, как писал Святой Августин шестнадцать столетий назад. Просто в этом мире есть много лишнего - не того, что создал Господь, а того, что сделал человек. Машины для передвижения, да и сами передвижения на дальние расстояния, праздные экскурсии, ночные клубы, средства пропаганды, власти всех видов, алкоголь, наркотики, попса, женские журналы, мода, спортивные состязания, охота и рыбалка для удовольствия, убийства для удовольствия, богатство для удовольствий...

В мире есть все, что нужно для счастья, просто мир необходимо очистить от лишнего.

“А если кому-то это лишнее нужно? Если именно оно делает его счастливым?”

“Ну, его надо лечить. Или учить. Или убеждать”.

“Это насилие над душой. Этого нельзя. Гуманнее убить”.

“А насилие над телом лучше, чем насилие над душой?”

“Неизмеримо лучше. Ты представь, что предпочла бы сама”.

“Наверно, ты прав. Лучше умереть, чем жить раздавленным...”

И они выпили еще по чашечке кофе. А дождь незаметно кончился, и студеный ветер, постепенно усиливаясь, задул с моря.

На пирсе Андрей на пять минут задержался поболтать с капитаном Макаровым, который завтра, несмотря на холода, отправлялся в очередной раз искать клад в островной крепости и очень звал с собой.

Потом Андрей забежал в пекарню Меладзе, где купил горячий лаваш, прямо из тонэ - керамической печи, вкопанной в землю.

И наконец, дошел до “Толстой Катерины” - старинной круглой башни, в которой сейчас размещался ресторан. Обедать в “Сове” ему почему-то не захотелось.

Два-три человека из посетителей с ним поздоровались, и Андрей им ответил. Он сел за столик у застекленной бойницы и, не особо думая, заказал себе бутылку красного молодого вина (принесли “Божоле”) и много жареного мяса (стейк едва поместился на тарелке). Кровь на ноже напомнила ему об еще одном сообщении в газетах - корреспондент описывал заготовку бельков - детенышей тюленей - на Белом море. Андрей попытался представить себе боль, ужас и отчаянье забиваемых палками малышей и их беспомощных матерей, которых отгоняют острыми баграми - и едва не позвонил Эстер. В статье говорилось, что этот промысел убыточен, но как-то занять население надо, а между тем жить зверобоям, даже с учетом госдотаций не на что, и пьют они, и дети их вырождаются...

“Выморить их голодом и холодом, сорвав северный завоз? - подумал Андрей. - Легко. Небольшая путаница документов в Москве... Солярка ушла “налево”... Или подождать, пока сами вымрут? А зверьки - они что, будут и дальше гибнуть, чтобы жили эти твари?”

Так и не придя ни к какому выводу, он уставился в окно. Мясо он съел, но пить расхотелось... К тому же пора было идти на заседание в Мэрию...

В Мэрии городской совет, членом которого состоял Андрей, решал вопрос об изношенности канализационной и водопроводной сетей. Ничего поделывать было нельзя, потому что ежегодно можно было менять лишь пять километров водопровода и столько же - канализации. Не хватало денег, но если бы деньги и были (Андрей вспомнил про три миллиона) не будет труб; а если их купить за рубежом, то надо привозить сюда и ремонтные бригады вместе с техникой. В

общем, при наличии всех условий, трубы выйдут из строя раньше, чем их заменят. На том и порешили, с тем и разошлись.

Андрея зазвал в кабинет коротко стриженный пред Совета и они выпили коньяка. А потом пред спросил, может ли Андрей помочь. Андрей обещал закупить трубы и ушел...

... В Рок-клубе только что кончился первый концерт, и фойе заняла тусовка анархистов. До начала второго концерта, который хотел послушать Андрей, было еще полчаса, и он присел сбоку на длинную мягкую скамью, к молодым людям в черном и синем, с черными звездами или буквами "А" на значках.

Обсуждали, целесообразен ли переход к террору в нынешних условиях.

Фойе было выполнено в красно-черных тонах, и анархисты, кто спокойно и медленно, кто - ораторствуя - говорили одно и то же: террор возможен, оправдан и необходим. Андрей взглянул на часы и поднял вверх палец, привлекая внимание модератора. Ему дали сказать.

- Со времен Хулио Хуренито известно, - начал Андрей, - что ручной бомбой можно покалечить пару толстеньких жандармов, самое большее какого-нибудь короля, который коллекционирует китайских болванчиков и увлекается игрой в теннис. Мне кажется, что мы хотели бы добиться иного результата.

Мир постоянно разрушает себя с силой десятков тысяч анархических террористов. Нам достаточно только помочь устраивающим нас тенденциям. И помешать противоположным. Тут важно не ошибиться. К примеру, деятельность Лысенко, направленная, казалось бы, на усиление государства и усекновение научных свобод и внутрицеховой академической демократии, способствовала отставанию СССР в развитии генетики, и, вследствие этого, в создании бактериологического оружия, что явно было полезно для судеб Европы. В конце концов, главное, чтобы цивилизация, создающая товарный и интеллектуальный продукт, то есть цивилизация «золотого миллиарда», продержалась до того момента, когда в ее недрах вызреет и наберет силы новый мир, основанный на постиндустриальном уровне развития технологий и на священном уважении к правам отдельной личности. Мир, не нуждающийся во власти и не имеющий внешних угроз, мир, состоящий из элементов, однородных достаточно, чтобы иметь единую систему ценностей. Возможно, даже вероятнее всего – они не будут людьми. Это будут разумные машины, компьютеры в человеческой оболочке, существа, лишённые нашего внутреннего зверя, свободные от необходимости убивать, чтобы жить. Ради этого будущего можно бороться и побеждать. Спасибо.

Тут, очень кстати, прозвенел звонок, и публика, не относящаяся к анархистам, потянулась из фойе в зрительный зал. У Андрея запиликал мобильник, и он прижал аппарат к уху.

«Ракета пошла», - произнесла Эстер. - «Спокойной ночи».

- Спасибо, - ответил Андрей. - Счастливых снов.

И вышел из клуба под дождь. Ненадолго. Просто взглянуть в небо.

Крепость

(Первая четверть 21 века. Финский залив)

Я прислонился к плоской каменной поверхности. Холодный гранит кубического постамента какой-то вычурной имперской вазы приятно вытягивал боль из виска. Скосив глаз, я видел красные шершавые зерна камня; посмотрев прямо – ступени красной блестящей лестницы, спускающейся к воде, серые волны у красных камней, легко пляшущий на волнах разъездной катер. Справа нависала еще одна ваза. Адмиралы и великие князья так же спускались по этим ступеням – тогда покрытым, впрочем, ковровой дорожкой – так же садились в катер – тогда, правда, паровой... Прекрасная эпоха... Но, как ни тянешь время, а идти надо. Я спустился к катеру. Моторист, по виду – отставной военный моряк, извиняюще произнес:

- Волнение. Качать будет.

Видимо, ждал от меня утешительного признания в том, что я люблю поплевать. Я сел на корму, поплотнее закутавшись в плащ, и замотал кашне дважды вокруг горла. Моторист что-то там дернул, и мы пошли.

Крепость на острове я увидел сразу, как только обогнули мыс. Но она приближалась, вырастая из тяжелой, цвета маренго, воды, еще целый мучительный час. Меня насквозь продул холодный ветер, мутило, в довершение – по-прежнему ломило левый висок. Наконец моторист ввел катер в узкий проход за волнами. Здесь, во внутренней гавани крепости, почти не качало. Бетонные бастионы, закругленные, без острых углов... Пулеметные доты. Колпаки капониров. Вместо крыши – открытые площадки, где раньше стояли пушки системы Кане. Дальнобойные орудия помещались, очевидно, в главном редуте, обшитом броневыми листами. Несколько деревьев, на отшибе – совершенно

неуместная здесь будка биотуалета. Тишина – только свист ветра, крики чаек, плеск волн. Влага летела в лицо – то ли дождь, то ли пена, сорванная с волн ветром. Пахло свежестью без запаха; внезапно окутывал пласт тепла – это прорывался согретый Гольфстримом европейский воздух.

...Пророк стоял на самом верху бетонной лестницы, уходящей к бывшему дальномерному посту, сейчас – бетонному кубу с чёрными провалами вместо дверей и окон. Одет в телогрейку, эдак запросто... Он довольно резво спустился, взял мою руку двумя ладонями и, неловко дергая головой, что должно было, наверно, изображать поклоны, произнес:

- Приехали! Приехали! А я-то уж – так рад, так рад! Знаете, до чего одиночество доводит – сам с собою говоришь, говоришь... Вчера вот всю ночь говорил. Вы у меня заночуете?

- Я ненадолго, - ответил я. – Здравствуйте, Василий Прокофьевич.

- Ну, ненадолго – и ладно. И ладно. Я все вам расскажу. И покороче, покороче. Ну так пойдёмте в тепло, в тепло.

Не знаю, зачем, но сейчас Василий Прокофьевич решил изображать из себя больного эхолалией. Я махнул рукой мотористу – “жди, мол” - (тот полез в каюту) – и вслед за Василием Прокофьевичем вошел в черный пустой прямоугольник, скрывающий проход в сердцевину крепости.

Пророк запалил керосиновую лампу, висевшую на крючке у входа и, хлюпая по натекшей со стен и потолка воде, пошел вперед. На втором ярусе лестницы он толкнул неприметную деревянную дверку – и мы попали в чисто выметенный каземат, где даже присутствовала некоторая мебель, а на стене висела карта мира. Особо умилили меня занавесочки на амбразурах - ситцевые, в цветочек, в сборочку.

- Как ваши раскопки продвигаются? – спросил я Василия Прокофьевича. – Нашли клад?

Пророк сел на трехногий табурет у круглой печки и замолк. Знаю я такие

печки – в них вместо сгорания происходит разложение топлива. Пятидесяти грамм солянки хватает на сутки. И трубы не надо. Модель “смерть арабам” называется...

Лукавинка в глазах пророка исчезла. Лицо заострилось, но странно помолодело при этом. Значит, подключился к моему мозгу. Сейчас тянуть начнет.

- Раскопки... Да. Раскопки, - заговорил он своим обычным голосом. – Я разобрал бутровку, загораживающую проход на нижние ярусы. Трудно было – жуть! Камни тяжелые, смерзлись, еще за прошлые зимы. Кипятком отливал. Там, за ними – дверь оказалась, как в погреб – вверх откидывалась. Открыл – оттуда морозом веет, лед всюду. Вечный лед, летом не тает. А во льду – люди. Как будто вчера убиты. Много. Несколько десятков. Все раздеты. Мужчины. Может, и женщины есть, не видел. Примерно одного возраста. И татуировки флотские. Видимо, это те, кого после мятежа в двадцать первом чекисты расстреливали. Страшно было – не рассказать. Я вылез оттуда – весь в инее, как седой. Молился. Долго молился. Ну вот. Больше не копаю...

Я тоже присел к некрашеному столу – что толку ждать, пока пророк предложит сподобится, он о таких мелочах, наверное, вовсе не думает.

- Василий Прокофьевич, я вам тут привез..., - я пододвинул по бетонному полу поближе к пророку пухлый портфель. – Тут еда, питье... Как вы жить здесь собираетесь, когда лед станет?

- Так, а что лед? Я и по льду до берега дойду – всего-то десяток километров до ближайшего магазина. А деньги есть, не беспокойтесь. Есть пока. За подарок спасибо, конечно, но напрасно это вы. У меня все есть, мне много не надо. Да и не за этим я вас звал.

- Конечно, не за этим, - согласился я. – А за чем?

- За чем..., - пророк устроился поудобнее – насколько это было возможно на табурете. – Что в мире делается, вы, конечно, лучше меня знаете?

Политинформаций читать не надобно?

- Шутите? – удивился я. – Вы же пророк. Вы все предвидели.

- Предвидел, конечно, - довольно усмехнулся пророк. – Вы нашли тех, кто выпустил “желтую чуму”?

- Нет, разумеется, - пожал я плечами. – И не искал даже. Что мне “желтая чума”? Мир рушится не из-за нее.

- И из-за нее тоже, - поправил пророк. – Мир рушится из-за того, что слишком много кому он надоел. Мир рушится из-за того, что стал бессмысленен. Кто-то выпустил “желтую чуму” - в спешке, не испытав, вирус мутирует со страшной силой, болезнь косит уже всех, а не только азиатов... Кто-то заменил обычный картофель генетически измененным – и вся картошка на планете стала бесплодной, а семян взять негде, в производящей компании пожары и банкротства... как назло. А трети начали выпускать вместо нормальных романов цитатники из обрывков мыслей давно умерших авторов. Это я уже вас имею в виду.

-Я догадался, - сказал я, - Да. И мне этот мир надоел. Мир суррогатов, где нормального куска мяса не купить, мир придурков, которых таковыми назвать нельзя, из-за чертовой политкорректности, мир разрушающейся цивилизации и нашествия варваров... У меня не слишком много времени, Василий Прокофьевич. Зачем звали?

Пророк молча пожевал губами.

- Найдите этих людей. Тех, которые придумали “желтую чуму”. Они где-то близко. Думаю, что здесь, - он показал точку на карте. – Я чувствую, что здесь. Их не много. Десяток, от силы. Они не знают, что делать дальше. Скоро им будет очень нужна наша помощь.

- А вы – знаете? – спросил я, с трудом сдерживая желание подняться и уйти. Конечно, он знает. Он все знает, он же – пророк! Три года назад предсказал гибель Нелли с точностью до минуты...

- Конечно, знаю, - эхом повторил старик. – Нужно совместить три несовместимых тезиса: “Господь всемогущ”, “Господь добр” и “В мире есть зло”. Едва кто-либо сможет их непротиворечиво объединить в одной философской системе, в мире тут же наступит гармония, и время прекратит течение своё.

- Над этой проблемой христианские мыслители бьются без малого две тысячи лет, - сказал я. – И, надо сказать, ими придумано немало остроумных решений. К примеру, теория о попущении Божьем. Оригинальная точка зрения используется в Каббале – то, что мы воспринимаем, как зло, на самом деле – добро. Непонятно, правда, как при этом должна трактоваться медицина...

-А ведь я серьезно, - пророк не поддержал моего тона. – Мы живем в мире, где энтропия нарастает с течением времени. На этом, кстати, основана вся христианская эсхатология. Зная, что все наши усилия тщетны, что все мы не без греха, что со временем черные силы лишь нарастают, а божественные искры в нас затухают – что нас сможет удержать на этой земле? Только одно. Вера в обещание того, что возможны и антиэнтропийные процессы, возможны не только распад, разрушение, смерть, но и исцеление, оживление, воскрешение. Вера в то, что к нам придут и повернут время вспять, и вот мы – опять живы, опять молоды и полны сил... И вот тогда-то нас избавят от тех, кто мучил нас, разделят на разряды, и каждый получит то, во что верил и на что надеялся. Как поверить в то, что анэнтропийные процессы возможны? Для кого-то достаточно наличия в природе необъяснимого, совершенно анэнтропийного процесса усложнения информационных биологических систем, именуемого, в частности, цефализацией. Кто-то просто верит свидетельствам Евангелистов. Кому-то требуется Туринская плащаница. Но, так или иначе, вывод один у всех – совмещение трех вечных тезисов иначе, как на базе управления процессом энтропии, невозможно. Те, с “желтой чумой”, тоже решились управлять миром с её помощью – ускорить, подтолкнуть, подразрушить то, что следовало – и тем самым спасти другое, хорошее, светлое. Где-то упростить систему, чтобы где-то

усложнить. Если нам не дано воскрешать, рассуждали они, будем убивать врагов – тогда своим останется больше места и времени для жизни. Очень разумно. Но не победив зла изначально, зла, разлитого в мире, они очень скоро обнаружат вокруг новых врагов.

Мне всегда это нравилось в пророке – умея проникать в разум собеседника, он за считанные минуты овладевал его словарным запасом и начинал говорить уже на его языке.

- Вы, конечно, Василий Прокофьевич, умный и мысли мои знаете, - вздохнул я. – А я вот ваших мыслей не знаю, и никак не пойму, куда вы клоните. Как вообще можно ставить задачу уничтожить слабыми человеческими силами вселенское зло?

- Но ведь человек для того и создан! – удивился пророк. – Это – его миссия. Зло – временно. Добро – бесконечно. Собственно говоря, время – это и есть зло. Как только появилась темпоральная ось в системе координат Вселенной, та стала переходить из упорядоченного в хаотическое состояние. Появились смерть и энтропия – инструмент ее. Смерти нет лишь там, где нет времени. Впрочем, в смерти времени тоже нет. Частица, летящая со скоростью света, бессмертна, она живет и миллисекунду и вечность – смотря по каким часам судить, по нашим или ее собственным... Ее-то собственные “часы” стоят. Со смертью к нам придет остановка времени. Мы уподобимся астронавтам, падающим в “черную дыру” - нас тоже поглотит вечно делящаяся бесконечность.

- То есть – зло всюду, где есть время? – переспросил я. – Что же Господь не остановит этот часовой механизм, если он так добр?

- Это должны сделать мы сами, - сказал пророк. – У нас свобода выбора. Вот вы – готовы сию же минуту умереть?

- Знаете, Василий Прокофьевич, последнее время я так часто думал над тем, зачем, в сущности, продолжаю жить, что, пожалуй, готов, - пожал плечами я.

- А вот многие – не готовы. Многие и по сей день считают, что умереть –

хуже, чем оставаться жить, что пожизненное заключение гуманнее смертной казни, что зло – это разрушать жизнь, а добро – помогать жизни во всех ее проявлениях...

- Пойдите, это же вы Швейцера цитируете! – перебил я пророка.

- Да знаю я, что Швейцера, - отмахнулся старичок. – Нашли, тоже, “священную корову”! В общем, так. Вы, надеюсь, по-прежнему верите, что я знаю будущее? Так вот найдите этих людей. Они в Замке. Найдите их и убедите, что все их усилия пропадут втуне, если мы – да, да, мы, все, и я, и вы, - не решим, как добрый и всемогущий Господь допускает, чтобы в мире существовало зло.

- Не потеряет ли человек все человеческое в себе, если примет такую идеологию? – на всякий случай спросил я, уже зная ответ.

- Нет никаких людей! – заявил Василий Прокофьевич. – Есть обитатели ада. Вон там, внизу – ледяной его круг, можете спуститься. Вы что считаете – это люди сделали? К тому же мы всё равно не сможем поступить иначе, чем предначертано. Возможно, то, что вы называете идеологией, а я – знанием истины – последнее, что погасит остатки божеской искры в душах людей. Возможно, это – шаг к Апокалипсису. Но это – неизбежный шаг.

- Куда же спешить-то? – грустно усмехнулся я.

- А чего тянуть? – удивился пророк.

- И то верно, - согласился я.

Ему хорошо. Он будущее знает. Он этот Апокалипсис, считай, уже пережил и знает, что все кончилось хорошо. А мне каково?

- Мне и в самом деле пора, - я встал, не попадая взглядом в глаза пророка. – Пойду, пожалуй. Звоните, если что... Этим ребят, конечно, поищу – ну ведь вы это и так знаете... Спасибо за информацию.

По коридорам крепости я идти не стал – сразу поднялся по ажурной винтовой железной лестнице вверх, на площадку для пушек Кане, а уже оттуда, мгновенно замерзнув на ветру, спустился по бетонным ступеням к казавшемуся

маленьким и ненадежным катеру. За то время, пока я беседовал с пророком, ветер только усилился. Более того – мелкие ледяные капли, казалось, пробивали плащ и жалили тело. Но в каюту спускаться я не хотел – лучше уж продрогнуть, чем укачаться. Ненавижу ходить по морю при волнении свыше трех баллов. Да, по совести, и в безветрие ненавижу. Чего ради пророк поселился в развалинах на этом острове – совершенно не понимаю. Оригинальничает – или действительно мысли других людей ему мешают видеть будущее? Кстати сказать, как это он увидел мою будущую встречу с этими “биологическими террористами”? “Привет, ребята, вы молодцы, все делаете правильно, но вам не хватает теории. Все дело в том, что мы живем в аду...” Да они меня сразу пристрелят, как неумелого провокатора! “Все упрощается, если признать, что мы живем в аду”, – это еще Абрам Терц сказал, он же Андрей Синявский. Василий Прокофьевич Синявского, конечно, не читал, он у нас самородок, из сибирской глубинки... Конечно, упрощается. В аду невозможно ни добро, ни счастье, ни радость – все они оборачиваются своей противоположностью. Впрочем, как и в этой жизни. Ха-ха... “Война – это мир, свобода – это рабство”... Доживем ли до очередного 1984 года? Не буду я никого искать... Конечно, не буду. Если пророк прав – все само собой произойдет. Если он прав, и все, даже самое светлое, суровая нежность отца, улыбка матери, забота друга, даже любовь – оборачивается во зло кому-то – ну хоть кому, хоть зарезанному цыпленку, которого потом оциплют и приготовят с ореховой подливкой добрые материнские руки – то лучше уж ничего не делать. Меньше зла принесешь... “Зло – это добро”... Надо бы Оруэлла перечитать. И думать. И пить чай с вареньем из собранных летом ягод, как завещал нам вечно живой Розанов. Зима наступает. Зима... Все-таки укачало.

Великий поход

(Первая четверть 21 века. Где-то в горах)

С тех пор, как эмигранты-арабы разгромили университетский квартал,

жить в городе стало совершенно невозможно. Работы не было, совсем не было, даже места судомойки для Лотты не нашлось. Марек все вечера проводил с какими-то новыми друзьями в клубе “Че”, где курил крепчайшие гаванские сигары, говорил до хрипа о свободе и, как подозревала Лотта, еще и нюхал кокаин. Кокаин новые друзья Марека ввозили в Европу чемоданами, на выручку от его продажи финансируя свою революцию где-то там у себя в горах. И когда, наконец-то, полиция, по выражению Марека, “села им на хвост”, они всем клубом “Че” собрались и уехали к себе в горы; полиция устроила облаву, а их уже нет, остались только бармен и две официантки, кубинские беженки. Дня два Марек крепился; но денег на кокаин не было, и он стал заводить с Лоттой разговоры о том, как хорошо было бы отправиться вслед за этими его друзьями и там, в горах на краю света примкнуть к передовому отряду мирового национально-освободительного движения. Это, говорил он, наполнило бы его и ее жизнь смыслом и избавило бы от тоскливого прозябания здесь, где, ты же и сама видишь, девочка, никому нет дела до тонкостей перевода древнекитайской поэзии, да и на твою живопись покупателей нет. А убьют – так что же, убить и здесь могут, эти черные мусульмане очень опасны, я каждый раз, он говорил, волнуясь, когда ты спускаешься за свежими круассанами. В общем, Лотта и сама не заметила, как он ее убедил, и они поехали. Тем более что платить за квартиру тоже было нечем.

Эти горы оказались совсем не похожи на Швейцарию, где Лотта бывала несколько раз. Неделю Лотта и Марек жили в поселке партизан, среди стариков, женщин и детей – мужчины ушли в рейд, минировать дороги на севере. Прилетали чьи-то вертолеты, снижались, но не стреляли. Здесь было жарко. Очень жарко. И все растения были либо колючие, либо ядовитые, либо и то, и другое вместе. И еще здесь жили змеи, много разных ядовитых змей, и скорпионы, огромные и бурые, и пауки, ядовитые черные пауки. Растения все сплошь с мелкими листьями и жутко твердой древесиной, и в основном – кусты,

перевитые колючими вьющимися плетями. Это вьющееся и колючее надо было собирать, отрывая молодые нежные побеги; пока наберешь мешок, вся переколешься, и страху от змей натерпишься. Но другие женщины собирают, и ничего, значит, и Лотта сможет, надо только привыкнуть. Потом эти побеги надо было варить часа три; они уваривались так, что еле покрывали дно кастрюли. Из них готовили еду, добавляя перец. Получалось остро, но не сытно. Кожа у нее обгорела на солнце и слезала длинными белыми лохмотьями. И туалета здесь не было, надо было присаживаться в кустах, и туалетной бумаги не было, а надо было стирать одну и ту же тряпочку. И для иного надо было использовать тряпку, так что с непривычки у Лотты болели все отверстия. От чужой и острой пищи сделался понос, и жгло рот, а воды было очень мало – во всяком случае, такой воды, которую можно пить. За ней надо было ходить к источнику, лесом, в гору, километра два, с тяжеленным глиняным кувшином. Хуже всего, конечно, было отсутствие возможности помыться в горячей воде. Лотта к концу этой недели чувствовала, что превратилась в сплошной комок вонючей распаренной плоти, аж самой себе противна. Марек, напротив, как-то быстро освоился, и в первый же вечер Лотта увидела его сидящим на лавочке под единственным растущим в окрестностях большим, дающим тень, деревом, в компании местных дедушек, курящим, как и они, анашу. Его, как мужчину, работать не просили, а вот Лотте пришлось....

Но потом вернулись мужчины; их запах пришел в селение за час до их появления, и женщины оживились, у них глаза загорелись, они стали готовить какую-то совершенно несъедобную, по Лоттиному мнению, еду в больших котлах.... А мужчины вернулись как победители, в пятнистых комбинезонах, с черными повязками на лбах, на черном светились непонятные золотые буквы; у них было оружие, пахнущее порохом, были сапоги, воняющие кожей, были отрубленные скорченные руки врагов, висящие на поясе, просто отвратительно воняющие, Лотту вырвало, когда она это впервые увидела, а они смеялись, и

мужчины, и женщины. А Марек нашел своего друга, Давида, и кинулся ему на шею, и стал целовать, и Давид со смехом щипал его за задницу, а потом они как-то быстро ушли. Лотта не понимала языка, только отдельные, очень простые, слова. Поэтому командир отряда, у него было странное звание – бригадный генерал – весь такой бородатый, улыбающийся, белозубый, весь такой сильный – приставил к ней переводчика, которого смешно звали Лазик. Он сразу повел ее купаться и когда скинул свои военные вонючие тряпки перед тем, как погрузиться в ледяные воды горной речки, Лотта обомлела – у Лазика оказалась фигура Аполлона, только не мраморного, а живого, покрытого бронзовым загаром. Тряпки тут же взяли постирать какие-то женщины в длинных платьях, а Лотта, не в силах заставить себя отвернуться, смотрела, как атлет намыливает свои мышцы, натирает их пористым камнем, ныряет с головой в речку и быстро выскакивает оттуда, стуча зубами. У него было столько волос на теле, Лотта и не знала, что у человека бывает так много волос...

Он рассказывал о боях на севере, о подлости врага, о мужестве товарищей, о том, что завтра надо вновь идти в бой, надо напасть на деревню аскинцев, которые поддерживают коллаборационистское правительство, вырезать их там всех под корень, и кто знает, сколько наших братьев сложит там головы, и, может быть, он и сам не вернется из этого похода.... И как-то само собой получилось, что Лотта оказалась с ним в милой зеленой долинке, где даже росли впервые увиденные ею в этих горах цветы, уродливо яркие, с тяжелым густым запахом, все в шевелящихся мухах. Сказать по правде, она уже давно не была близка с Марекком, и то, что он ушел с Давидом, не так уж ее и удивило, она все-таки не дура и понимала, что этих двух мужчин связывают не только наркотики. Но все равно, так вот сразу она была не готова. Хотя Лазик ее и не спрашивал, резко толкнул в спину, заставил нагнуться и быстро, без подготовки, овладел, только почему-то не через то отверстие, которое для этого предназначено. Было так, что, казалось, она сейчас потеряет сознание от боли. Лазик был тяжелый и делал ей

больно, да еще и отвратительно кряхтел при этом. Кончив, он помог ей сесть, ухмыляясь всякий раз, когда ее лицо искажала гримаса боли. Теперь я не смогу нормально ходить, сказала Лотта, а Лазик ей ответил что-то вроде “ерунда, привыкнешь”, и сказал, что теперь ей, по закону гор, нужно сделать то же самое всем его друзьям, иначе они обидятся, а дружба – это святое. Лотта заплакала, а Лазик засмеялся, и чем горше плакала Лотта, тем громче смеялся Лазик...

Маленькие трагедии (Играем Пушкина)

Андрей проснулся в своем кабинете, в башне ратуши, сидящим в кресле – видимо, под утро тут же и уснул. Мария, секретарша-мулатка, пила кофе за его рабочим столом. На бумагах четко отпечатались ободок от чашки. В другое время Андрей вычел бы из ее жалования дневной заработок. Но сейчас это было не важно.

- Привет, - сказала Мария.

- Привет, - ответил Андрей, мимоходом отметив, что пожелание здравствовать из речи исчезло совершенно. – Дай и мне кофе. И включи радио, будь добра.

Мария отправилась к себе, нажав на кнопку приемника. Ручка настройки автоматически зашевелилась в поисках действующей станции. Станций осталось чертовски мало.

К кофе были поданы теплые круассаны с апельсиновым джемом и свежим сливочным маслом, сливки, сахар и тертый шоколад. В молчании Андрей прослушал сообщения о взрыве еще одной атомной станции в Европе, новой победе черных флоридских сепаратистов над федералами, разрастающейся эпидемии желтой чумы в Китае, атомных бомбардировках Индии, вспышке холеры на Украине. Затем было объявлено, что в Африке, по-видимому, населения не осталось и началось обозрение природных катастроф и стихийных

бедствий, теперь заменивших прогноз погоды.

- А что, милая, - сказал, промокнув губы салфеткой, Андрей, - не прокатится ли нам верхом на Смоляной мыс?

- Шеф, - подумав, ответила секретарь, - вы, вообще-то, знаете, который час?

- Нет, конечно, - Андрей потянулся к часам, лежащим на столе. – Ого!

Репетиция должна была начаться через двадцать минут.

... Они, конечно, немного опоздали и, спустившись в бывший винный погреб замка, где была оборудована крошечная сцена, обнаружили, что все уже готовы, а Ферзь и Ольга даже надели театральные костюмы. Андрей в сценический камзол переодеваться не стал, только шляпу с пером надвинул на глаза и решил, что так он вполне Вальсингам.

Закуски и вино на столе стояли вполне настоящие. Переставшие бояться умирающих людей, звери подходили прямо к городским стенам и попадали под выстрелы охотников. Так что сегодня повара приготовили и зайцев, и лосятину. Харчевня “Сова” прислала своего фирменного копченого угря. Что до вина, то оно поступало из Франции бесперебойно. Эпидемия в Европе, выкосив черное и смешанное население, уже шла на убыль. Была уверенность, что и в следующем сезоне молодое “Божоле” доставят без осложнений.

Ферзь включил видик, и на телеэкране, нависшем над столом, пошли кадры хроники Красного Креста – то ли из Китая, то ли, наоборот, из Финляндии. Угрофиннов желтая чума убивала почти стопроцентно, также как и других азиатов, даром, что раскосость свою они потеряли тысячу лет назад.

Вальсингам взглянул на экран и резюмировал:

- “Я люблю смотреть, как умирают дети”. Давайте начинать.

“Молодой человек”, не поименованный Пушкиным, произнес первый монолог. Вальсингам подал ответную реплику, попросил Мери спеть, и Мери начала свою унылую и протяжную песню. Тянулась она минуты четыре, и не выспавшийся Вальсингам пару раз даже зевнул.

- Благодарим, задумчивая Мери, - наконец, он смог сказать с облегчением. – Благодарим за жалобную песню. Вообще-то редкое занудство... такие жалкие стенанья... Классик, понимаешь! Вся динамика пропадает. Мери, дорогая, побольше отстранения. А то кажется, что ты и вправду жалеешь тот мир, который мы потеряли. Ну что, в самом-то деле, хорошего в хижине родителей твоих, в сельхозработах до седьмого пота, в детстве, проведенном в шумной школе.... Ну, ведь ужас! Только клиническая дура может жалеть о том погибшем мире...

- А дети? – Мери поняла, что, действительно, ведет себя, как дура, и покраснела.

- “Дети!” - повторил Вальсингам. – Надо было Эренбурга ставить! Хулио Хуренито! “На следующее утро, вдвоем с Хуренито, шли мы по тихой улочке нашего квартала. Навстречу женщина везла в коляске ребенка. Младенец весело и бессмысленно улыбался, а, поравнявшись с нами, протянул свои руки к Учителю, прельщенный блестящим набалдашником его палки. Хуренито отступил к стене и беспомощно, будто он сам был ребенком, забормотал: “Этого я не могу! Взрослые.... Но дети, почему дети?.. Может, не нужно?.. Бросить!.. Убежать!.. Пулю в лоб!..” Никогда, ни до этого, ни после я не видел нашего непреклонного, сурового Учителя в таком состоянии. Испугавшись, я закричал: “Скажите, скажите мне, что с вами? Что бросить?..” Но Хуренито, сразу оправившись, вытер лоб платком и уже вполне спокойно ответил: “Глупости. Не обращай внимания. Я переутомился, и потом эта жара!..”

- У Эренбурга там есть много чего подходящего, - негр Геркулес, не дождавшись положенного времени, выехал на сцену со своей тележкой, полной мертвецов. – Вот, к примеру: “Скажи же мне, как это? Я хотел спасти Россию, человечество, отдать себя на муки, защитить Христа, и вместо этого убил какого-то негра! За что? Я человек! Во мне божественное начало! Как же я пал так глубоко?”

- “Всё утопить!” – засмеялся Вальсингам и осушил еще бокал вина. -

Геркулес молодец, но он, как и товарищ Эренбург, упрощает. “Мне скушно, бес!” Корабль утонет, но на корабле ничего нет. Ничего хорошего там нет! Бандиты, лжецы, уроды, обезьяны, золото, венерические больные. Абстракционисты и пидарасы. Всё утопить!

- Следующим будем ставить Гора Видала, – сказала Луиза. – Роман “Калки”. Кстати, может, действительно, облететь земной шар и выпустить зверей из клеток зоопарков?

- В детстве, когда я прочел “Калки”, - сказал Вальсингам, - я черной завистью завидовал героям этого романа. У меня тогда появилась мечта – проснуться в городе – а людей в нем нет. Совсем нет никого. И трупов, разумеется, тоже нет, чтоб не воняли. И ты идешь, куда захочешь, заходишь всюду, хоть в секретный архив, хоть в золотую кладовую, читаешь все книги на свете, ешь и пьешь, и не платишь деньги... Болези? Болези, да... Боль.... Ну, да на то морфий есть. Зима... Зима – это плохо. Надо трудиться. Разводить костер.... Ну, да ладно. Месяц, хотя бы месяц такой жизни – и уйти навсегда. Увидеть мир настоящим, в виде набора археологических артефактов – и уколиться, и упасть на дно колодца... Ладно, продолжаем. “Послушайте: я слышу стук колес.”

- А я давно тут! – радостно произнес Геркулес.

- Ага! Луизе дурно; в ней, я думал,
по языку судя, мужское сердце.

Но так-то – нежного слабей жестокий,
И страх живет в душе, страстью томимой...

Прелесть, что за описание наших страстями томимых интеллектуалов! Готовых на словах залить Чечню напалмом. А сами, между прочим, не способны дрянной старушке бошку раскрыть.... Брось, Мери, ей воды в лицо. Но осторожней. Не у Гайдая ты играешь в фильме. Ну ладно, дальше там нечто из садо-мазо триллера, это мы пропускаем. Прошу – страницу четыреста

восемнадцать, я там гимн петь буду... Хриплым голосом.

“Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов”, -

да, кстати, Ферзь, что, льды тают?

- Тают, председатель, - ответил Ферзь.

- Ну, хоть в этом мы не виноваты. А есть ли упоение в мировом потоке? Не знаю, он длинный очень, для упоения... Ладно, поём дальше.

Вальсингам допел до конца гимн во славу Чумы.

Потом пришел священник и сказал, что положено по тексту.

- Да-да, я помню, у меня умерли все. И я плакал всю эту ночь – а с чего у меня хриплый голос, по-вашему? Все любимые люди. Мать и жена, – Вальсингам обвел присутствующих внимательным взглядом. – А у вас разве – не умерли близкие? Вакцина не давала стопроцентной гарантии, мы знали, конечно, но она, оказывается, и пятидесятипроцентной гарантии не давала! Эстер работала день и ночь, она и застрелилась-то в момент депрессии, вызванной запредельной усталостью! А вы - вы, священник – что вы сделали? Лечили опиумом чуму? Иди же с миром, старик.... Но проклят будь, кто за тобой пойдет.... Как верно сказано, ай да сукин сын!

- Напротив - всё неестественно! - возразил Ферзь. - Я имею в виду то, что они, то есть мы, которые там, просто едят, пьют и трахаются. Мы – настоящие – не так ведем себя. Совсем не так. Мы работаем. Хотя и оказалось, что наше чувство защищенности было мнимым, но мы не отчаялись.

-“От чая - отчаиваются”, - пробормотал Андрей.

- Так ведь там, в пьесе, их мир рушится помимо их воли – а мы сами рушим свой мир, - сказала Мария.

- “Лилит сама разрушила свой дом и удалилась в неведомое”, - сказал

Геркулес.

- Негр цитирует Тору – ему, видимо, мало быть негром, - пробурчал Андрей. – Как говорил один ныне вымерший, надеюсь, народ, “труп врага всегда хорошо пахнет”. Плюнь, Геркулес! Не плачь о черных братьях! “Черные” - не раса, а должность. Эти вымрут – других назначат. И все вернется на круги своя, и вновь Адам и Ева покинут Эдем, и Вечный Жид будет скитаться по свету...

- Вечный Жид больше никогда не будет скитаться, - произнес Ферзь. – Вы что, забыли? Его расстреляли петлюровцы в Киеве.

- Вот только Ильфа и Петрова мы сегодня не поминали! – вздохнул Андрей. – Как хорошо-то было! Душа отдыхала... Ладно, господа и дамы. Что-то я выпил сегодня больше, чем стоило. Видимо, всемирная литература не поможет нам остаться в здравом рассудке. Обратимся к философии. Кто-нибудь еще ищет пророка?

- Я ищу, - ответила Мария. – Пока что обнаружен человек, видевший его до Катастрофы.

- Ах, теперь это – Катастрофа?! Холокост!?! – обиделся Андрей. – А почему не Ренессанс? Доставьте мне этого человека. Пророк нужен, очень нужен, если жив, конечно.

- Шеф, еще есть и другие вопросы, – Ферзь сел верхом на стул, напротив Андрея. – Нужно создавать дружину обороны города. Нужно новое оружие, возможно – ПТО. Нужны вертолеты, а на людей полковника Березина надежды мало – аэродром они почти не охраняют. Следовательно, надо поставить там своих людей. Банд становится все больше, и вооружены они все лучше. Нам тяжело держать периметр – а ведь надо еще и отправлять партии охотников и фуражиров...

- Вот так люди и спиваются, - ответил Андрей, с тоской поглядев на пустой бокал. – Разрушить мировую цивилизацию, понимаешь, чтобы решать проблемы вождя средневековой общины... Вот какая загогулина выходит, понимаешь! Вам

нужно, чтобы я назначил военного диктатора? Вождя? Он же меня убьет через неделю! И вас не пожалеет. А я не знаю, и знать не хочу военного дела. И не затем я все это затевал, чтобы остаться в живых. Ищите пророка. Он, вроде, знает, зачем все это. Не это, - Андрей ткнул пальцем в стену, - а это! – он обвел руками вокруг. – Все. Это. Универсум. Зачем надо было уничтожить универсамы, чтобы восторжествовал Универсум. Я лично ничего не имею против универсамов. Но ведь зачем-то мы их подкосили? Чувствуете, как стало всё не красочно, уныло и устало вокруг? Будто ждём все чего - то. Даже в радуге цветов меньше стало. И ведь если оставить все сейчас вот таким, недоделанным - оправится человечество. Опять полезут друг на друга, нарожают детей полную планету, опять будут есть, пить, блудить, спать, в промежутках писать оперы – и оперу.... Как это остановить? Я не знаю. Ищите пророка. Иначе мир опять станет таким же – банькой с пауками, и это в лучшем случае. Ищите его! Может, он нам ничего не скажет, но все же.... И думайте сами. Думайте. Количественно мы победили. Но качественно все осталось по-прежнему. Человечество в мельчайших своих осколках сохраняет свои пороки, и мы – тому пример, в частности. Ищите “Х-лучи”, которые бы выжгли все человеческое из мозгов безмозглых! Ищите эликсир вечности, кипящую кровь в чаше Грааля, спиртовой настой философского камня, наконец. Читайте основателей церкви. Читайте все светлое. О бандитах будем беспокоиться по мере их появления. Не успеем – не удалось, значит. Идущие за нами будут сильнее нас. Но главное – не заботьтесь о себе. Все равно ничего из этого не выйдет. Всё так меняется, знаете... Смотрите на птичек, что ли... Не сеют, не пашут, а сыты.... Есть ведь с кого брать пример...

Чума

(первая четверть 21 века. Берег Финского залива)

Никогда ничего не понимал в автомобилях. Мотор чихал и кашлял, но

заводиться не желал. Что же, когда-нибудь это должно было произойти.

...Мокрый, в трещинах, асфальт узкой полосой уходил за поворот, в рощу облетевших тонковетких деревьев. Из трещин асфальта росла удивительно зеленая для поздней осени трава. Никаких машин по этой дороге давно уже не проезжало. И, наверно, еще лет тридцать проезжать не будет. Ветер дул, разумеется, в лицо – и, разумеется, нес плотную водяную пыль. Ночевать придется, по-видимому, где-то здесь. Я перелез придорожную канаву, полную ледяной черной воды, засыпанную опавшими листьями различных оттенков порыжелости. За канавой нашлась тропинка, которая, наверно, куда-то вела. В принципе, направление я знал – в километре отсюда к северо-востоку должен был находиться небольшой пансионат, принадлежащий одному из творческих союзов. Так что идти было куда.

...Стеклянная дверь оказалась разбита, и я без труда вошел в темный вестибюль, полный скрипов и пыльных запахов. За стойкой портье кто-то сидел. Я пощелкал выключателем у двери – лампочки, естественно, не зажглись – и достал из кармана фонарик. Луч света выхватил из полумрака желтое лицо с безгубым оскалом зубов, с выеденными глазницами, с клочьями обесцвеченных волос на голове. При жизни тело принадлежало веселой толстушке Лидочке. Я ее хорошо помнил.

Крыс я не боялся – крысы от желтой чумы еще быстрее мерли, чем люди. В отличие от бубонной, желтую чуму разносили не блохи, а комары.

Я обошел стойку и вышел через черный ход во внутренний двор пансионата. Конюшня была пуста – надежда продолжить путешествие на лошади не оправдалась. В домике конюха что-то ухало и шевелилось у окон, прямо как уэллсовский марсианин. Что это такое, я проверять не стал – наверняка ничего хорошего.

Сауна здесь была, разумеется, электрическая, но русская баня топилась дровами. Вполне сухая поленица дров стояла рядом, под навесом.

Я затопил печь и приволок в баню пару ведер воды из бассейна в сауне. Водопровод, куда качалась вода из подземного источника, тоже, разумеется, работать перестал.

В доме, где жили работники пансионата, помнится, был магазин.... Пока баня прогревалась, я разбил магазинную витрину, залез внутрь и запасся консервами и бутылками с водой. В квартиры дома, теперь превратившиеся в склепы для своих обитателей, заходить не стал, хотя и там, наверно, было чем поживиться.

Сломав пару еловых веток, с едой и питьем вернулся в баню. Аромат хвои напомнил детское ощущение праздника. Горячий пар, деревянные доски... где-то завалился кусок мыла... из еловых ветвей соорудил веник, распарил его в кипятке, и вдоволь пропарил себя, а затем долго лежал, отдыхая, на деревянной полке, истекая потом, расслабленный, без единой мысли в голове. Одевшись в чистое, вышел в предбанник и, подкидывая время от времени веточки в огонь, смотрел на пляшущее пламя в печи. Подогрел тушенку и съел, вместо хлеба заедая ее какими-то диетическими сухарями из отрубей. На десерт был компот из вишни и таблетка поливитаминов.

В предбаннике плавало тепло, и стоял диван, и крысиного помета не было. А что до живых существ, или до нежити, так здесь разве что банный обитает. Это не страшно, это почти домовый. Поэтому я решил заночевать в баньке. Сходил в пансионат, взял у Лидочки ключи от трех номеров поближе, подобрал подушки и одеяла посвежее, белье чистое, и вернулся в баню. Проходя мимо конюшни, отметил в памяти стоящую у стены лопату – Лидочку стоило похоронить. В конце концов, она всегда была добра ко мне, в любое время суток поила горячим чаем, смеялась моим шуткам и пару раз мы славно с ней надирались “Мартини”... Кстати, о выпивке. Оставив в баньке постельные принадлежности, я вернулся в пансионат и прошел галереей, поднимая на каждом шагу туманчики пыли, до лестницы в бар. Дверь, на удивление, была заперта на замок. Тогда я разбил

стекло в двери в столовую и прошел через общую кухню. Трупов ни в баре, ни в столовой не было. А вот “Мартини” нашлось. И не только “Мартини”. Так что в баньку я притащил с собой штук пять красивых и разных бутылок. Тем временем пошел снег, в тишине и крупными хлопьями. Я постоял под ним, запрокинув голову к небу. Снежинки таяли на лице. Я представил себе, что вокруг – на тысячи верст, на сто губерний – ни людей, ни огоньков, кроме волчьих глаз – и мне стало так хорошо, как давно не бывало.

Умом, конечно, я понимал, что все не совсем так – людей в мире осталось немало, причем далеко не лучшие представители людского рода выжили в пандемии. Эта мысль заставила меня проверить оружие.

Можно было бы еще сходить в библиотеку на третий этаж – но читать не хотелось. Еще по совести надо было бы пройтись по всем квартирам дома для сотрудников, по всем номерам пансионата – вдруг есть кто живой, мучительно умирающий от желтой чумы. Агония может длиться несколько суток, и помочь умирающему нечем – разве что морфием. Морфия у меня давно уже не было. Зато был пистолет.

Я сам переболел желтой чумой в сравнительно легкой форме, но до сих пор помню, каково это – когда каждый вдох дается с невероятным трудом, когда вода заливает легкие, и ты тонешь на суше, тонешь, задыхаешься, и сердце бешено стучит, и нет возможности дышать, и это продолжается долго – кажется, что вечно.... Так что, будучи больным, я и сам принял бы пулю с облегчением и благодарностью.

Все же я решил подождать, пока рассветет. Впрочем, судя по состоянию тела Лидочки, здесь уже давно все закончилось.

В темноте, освещенный лишь красным отсветом из щелей печи, я смотрел на снегопад за окном, потягивая мартини с водкой. Тишину нарушали только шорохи насекомых в стенах, потрескивание дров, слабое завывание ветра в низкой трубе. Мир, в котором я жил, бесшумно рассыпался, превращаясь в

живописные руины, заносимые снегом.

Я родился в доме, где топили дровами. Тогда много где топили дровами или углем, везде, даже в квартирах крупных городов, были печки. Я учился писать, макая перо в чернильницу-невыливайку, которую было положено носить в школу в отдельном мешочке. Его крючком, из ниток под названием “ирис”, связала мне моя мама. Нас учили каллиграфии – это называлось “чистописание” - и не учили машинописи. Зато учили музыке – и дома у меня стояло пианино, называемое с уважением “инструмент”. Телевизор появился много позже. Мы читали о путешествиях к диким племенам Амазонки и Новой Гвинеи и слушали радиосообщения о полетах в космос и высадке на Луну. Мы знали, что будущее – это то, что сделаем только мы и никто другой. Мир принадлежал нам. Когда же его у нас отняли? Кто превратил нас, господ этого мира, в ничтожное гонимое меньшинство? Наконец, в отчаянной попытке истребить паразитов цивилизации, последние ее защитники нашли в себе силы подорвать это великое здание вместе с собою. Конечно, так лучше, нежели оставаться рабами миллиардов разноцветных нищих и убогих, всю жизнь работая на то, чтобы трусливые правительства выплачивали бы им пособия по бедности, всё больше напоминающие дань завоевателям - варварам. Конечно, лучше... Я никогда не ощущал себя таким счастливым.... Поэтому выпил, пожалуй, больше, чем следовало.

...Проснулся я от холода – дрова прогорели. Пока затопил печь заново, пока вскипятил чай, пока позавтракал, пока снегом умылся – рассвело. На свежем чисто белом снегу не было видно ни следочка. Это успокаивало. Впрочем, нет, следы были – но только птичьи, беличьи, еще каких-то непонятных, но мелких зверей... Может, зазимовать здесь? Это надо было обдумать. Все зависело от того, сколько людей оставалось поблизости. Делиться этим местом с кем бы то ни было мне решительно не хотелось.

Сегодня надо будет похоронить Лидочку и осмотреть все помещения

пансионата. Начать, наверно, стоило с кабинета врача – медикаменты могут понадобиться неожиданно. Потом следует подумать об обороне. Возможно, здесь где-то есть оружие. Хороший автомат мне бы не помешал.... Еще надо где-то раздобыть охотничье ружье и патроны с дробью – не век же консервами питаться.

Я трезво оценивал свои силы. По всему выходило, что если не стану жертвой бандитов, то года два еще протяну, живя охотой и огородом – а потом слягу от тоски и болезней, да и помру, надеюсь, без мучений.

...Топот копыт я услышал задолго до того, как всадники появились из-за ворот пансионата. Их было трое – двое белых мужчин и девушка-мулатка, все одетые в черную кожу и светлые меха. Их оружие висело за спиной или на поясе. Я стоял, опираясь на лопату у наполовину вырытой ямы, размышляя, уж не себе ли я выкопал могилу. Убегать и прятаться, честно говоря, не хотелось. Было понятно, что эти люди – из Замка, где же еще могла остаться в живых африканка.

- Это ваш автомобиль стоит там, на шоссе? – спросила мулатка и показала рукой – где.

- Вообще-то не мой, - ответил я. – Я его украл.

- Не важно. Вы, наверно, ..., - она назвала мое имя.

- Точно так, - ответил я.

- Мы уже неделю ищем вас, - сказала мулатка, спешиваясь. – Мария. Это – мои коллеги, капитан Макаров и Ферзь.

- Может, выпьете чего-нибудь? – спросил я.

- С удовольствием, - за Марию ответил тот, кого она назвала капитаном Макаровым.

Действительно, он и выглядел, как капитан, весь такой моложавый и седой, подтянутый и с “пожившим” лицом...

Мы прошли в предбанник и расположились, кто на диване, кто – в креслах. Лошадей, кстати, завели во двор конюшни, где еще оставалось сено, и дождевая вода в кадке, и, ослабив подпруги, позволили им есть и пить, сколько влезет.

- Где Василий Прокофьевич? – спросила Мария, едва пригубив “Мартини”.
- Мы, собственно, его ищем.
- “Мы” – это кто? – поинтересовался я.
- Мы - те, кто живёт в замке неподалеку, - ответил третий, похожий на хиппи, бледный, с больными глазами, которого Мария назвала Ферзем.
- Это вы выпустили желтую чуму? – спросил я.
- Да, - ответила Мария. – Но это вышло случайно. Должна была пойти ракета, снаряженная совсем другим биологическим агентом. Желтая этническая чума была недоработана.
- Это я и сам понял, - ответил я. – Спасибо.
- За что? – удивилась Мария.
- Как – за что? За чуму, - ответил я. – Я уважаю ваше мужество.
- Лучше бы оценили мою женственность, - пожала плечами Мария, не поверив мне. – Так где пророк?
- Три последних года он жил на острове-крепости “Тотлебен”, в восьми морских милях к юго-востоку отсюда. Он и сейчас должен быть там, если ничего не случилось. Ваши лошади вообще умеют плавать?
- Ерунда, найдем катер, - махнула рукой Мария и встала с дивана. – Едем.
- Постойте, а я как же?
- Это у меня само вырвалось. Только что был готов провести последние годы жизни в одиночестве, и вдруг – только мелькнул иной вариант, как сразу не выдержал искушения, вновь действовать захотел.
- Мы будем рады видеть вас гостем в нашем замке, - церемонно произнесла Мария и протянула узкую темную кисть для поцелуя. – Как закончите дела здесь, отправляйтесь к нам. Дорога сейчас безопасна, банду в Первомайском мы вчера уничтожили.
- ... Они ускакали рысью к морю, по первому снегу, навстречу наползающему вечернему туману. Солнце садилось, и зимние сумерки окрасили

все в фиолетовый цвет.

Никуда не пойду отсюда, думал я, ни в какой замок. Просьбу пророка я, выходит, выполнил, а иных долгов перед живыми у меня нет. В конце концов, я всю жизнь хотел просто пожить спокойно... Решено. Поживу немного здесь – в наступающей рождественской мгле, под защитой новогодней вьюги... Мне еще много кого нужно похоронить...

Последний замок (21 век. Наступление тьмы)

...У Алисы в “Сове” ничего не изменилось. Разве что в меню появилось больше блюд из дичи. Андрей прошел через зал на свое любимое место в глубине, у стенки из обкатанных древним морем валунов. Пара утренних посетителей пила кофе со сливками, просматривала свежий выпуск городской газеты, один на двоих и о чем-то приглушенно спорила.

Алиса помахала Андрею рукой из-за стойки и нарисовала в воздухе вопросительный знак – “как всегда?” Андрей кивнул и через минуту перед ним стоял поднос с чайничком душистого чая, свежими булочками с изюмом и корицей, масленкой, полной настоящего сливочного масла, розеточкой с настоящим медом и молочником, где желтели настоящие, не соевые, сливки.

- Как поживаете, ваша светлость? – улыбнулась, склоняясь к нему декольте, Алиса.

- Какой тебе я, к черту, светлость, Алиса! – недовольно поморщился Андрей. – Посиди со мной секунду. Все равно посетителей нет. У меня сегодня день важного Решения.

- Ну наконец-то, - кивнула Алиса. – А я всё думала - когда же? Знаешь, три года жизни вдовцом - вполне достаточно.

- Нет. Другого решения, - улыбнулся Андрей.

- Какого тогда? – Алиса, заинтересовавшись, села напротив.

- Я вчера говорил с пророком, - начал Андрей. – И он убедил меня раздать

горожанам оружие.

- И правильно, - пожала плечами Алиса. – У меня же есть и пистолет, и карабин, и дробовик для уток...

- Алиса, - Андрей взглянул в дальнее окно. – Они нас... меня не пристрелят?

За окном был виден зарешеченный клочок синего неба.

- Знаешь, дорогой, - Алиса вздохнула и положила свою полную руку на кисть Андрея. – Ты никогда не скрывал, что именно Эстер изобрела желтую чуму, и что именно ты решил ее выпустить из пробирки. Но люди вначале не верили – и это естественно, ты же их лечил, а не убивал. А когда поверили – появился пророк. Помнишь его выступления на Рыночной площади? Все живые собирались там. И вроде бы он говорил давно известные вещи, что все мы не без греха, наказаний без вины не бывает, что смерти нет, что смерть – это избавление, все вот так несвязно и комковато – но люди слушали и их лица светлели прямо на глазах. Я же сама это видела, я помню – мать, только что похоронившая дочь, вместе со всеми благодарит Смерть, дающую свободу! Пророк напомнил людям то, о чем они в житейской суете забыли – что они все жуткие грешники, заслуживающие смерти, но невероятной милостью Всевышнего оказавшиеся бессмертными. Пророк напомнил, что кладбище – это не конец пути, а просто ворота, что жизнь зачастую хуже смерти, что страшнее всего – искать смерти и не находить ее... Андрей, он действительно молодец, этот твой пророк! Ну вот, а потом эпидемия кончилась. И горожане обнаружили, что их осталось в десять раз больше, чем в среднем по стране, и все это – благодаря тебе и твоему лекарству. И еще, ты знаешь, они в этом не признаются, потому что стыдно такое произносить вслух, но, в общем, они довольны новым миром. Многие проблемы оказались решенными сами собой.

- Все еще только начинается, - вздохнул Андрей.

Алиса, видимо, краем глаза заметила движение у стойки, и лицо ее

изменилось, стало холодным и вежливым, а рука быстро исчезла с кисти Андрея. Секунду спустя у их столика возникла Ольга. По моде Замка она была одета в одежды из черной кожи, отороченной светлым мехом. Дамы расцеловались, и Алиса ушла варить кофе для Ольги.

- Красивая. Тонкая. Стальная, - вздохнул Андрей, усаживая Ольгу на скамью рядом. – Как дела в библиотеке?

- Ты представляешь, вчера вечером мне привезли груз церковных книг, - сказала Ольга. – Там такие раритеты! Я и не мечтала, что они окажутся у меня в фонде. Разбирала их всю ночь, и разобрала только малую часть.

- И что пишут отцы церкви о причинах появления Зла в этом мире? – поинтересовался Андрей.

- Ну, к примеру, гностик Маркион, живший во втором веке, считал, что Бог всеблаг, но не всемогущ. Его власть ограничена силами Князя тьмы, который и есть творец нашего мира, и одновременно – Бог из Ветхого Завета. Несмотря на то, что оба бога представляют собой независимые начала, злой бог по необъясненным Маркионом причинам слабее, и, в конце концов, исчезнет вместе с материальным миром, который он сотворил. Останется только дух, а вместе с ним любовь и милосердие. Ну, как?

- Правильно, - одобрил Андрей Маркиона. – Энтропия нарастает, материя разрушает свою упорядоченность. К сожалению, это не объясняет, откуда взялся в природе процесс усложнения материи, породивший разум.

Алиса принесла кофе и тотчас отошла к новым гостям.

- Совершенно верно, - отметила Ольга, пригубив чашку. – Тертуллиан достаточно полно опроверг гностицизм. Во-первых, двух всемогущих существ, борющихся друг с другом, быть не может – значит, они не всемогущи. Во-вторых, если бы был хотя бы незначительный дисбаланс сил злого и доброго богов, это привело бы к вечной победе одного над другим – потому что с точки зрения вечности перевес одной из сторон является вечным перевесом и вечно

продолжающийся, неминуемо приводит к немедленной вечной победе – учите математику!

- Бог дал людям свободу выбора между добром и злом, потому что иначе мир населяли бы не люди, а куклы. И люди выбрали зло, - сказал Андрей. – Зачем же ему вообще надо было создавать этот мир?

- Философ Ориген, - продолжила Ольга, еле заметно улыбаясь, - говорил, что Бог создал космос для того, чтобы увеличить количество блага. А моральное благо предполагает свободу выбора. Если свободное существо постоянно принуждать творить добро вместо зла, то тем самым будет отрицаться его свобода, в которой состоит смысл его существования.

- Значит, свобода – это смысл существования? – спросил Андрей.

- Ну, разумеется, - удивилась Ольга. – А ты не знал?

- Тогда как примирить два положения: люди обладают свободой воли; Господь всемогущ и ничто, даже наша свобода воли, не ограничивает его могущества?

- Как совместить свободу воли и предопределение, не знал даже святой Августин, - Ольга допила кофе и встала из-за стола. – Пойдем погуляем!

- Пойдем, - Андрей прошел за ней к двери, по дороге мимоходом здороваясь с посетителями “Совы”.

По крутой мощеной булыжниками улице Серых Братьев они поднялись на Южный вал, ограждавший город со стороны моря. Под гранитной стеной покачивались на волнах у причала два парусника. Еще один, убрав паруса, на двигателях проходил фарватером к открытой воде, петляя между плоскими, поросшими лесом, островами. Порт пах сосновыми бревнами и – слегка – копченой салакой. Ветер дул им в лицо, остановившимся у парапета стены, и мешал смотреть в чистое небо “бабьего лета”, откуда летели вниз почти осязаемые кванты солнечного светового дождя.

- Он просто все знает заранее, - пробормотал Андрей, больше для себя,

нежели для спутницы. – Не вмешивается, не подсказывает – просто знает, как мы поступим, и все так устроил, что каждое новое наше действие все равно происходит в Его интересах...

- Как мне хорошо, - медленно проговорила Ольга, глядя на уходящий парусник. – Мне наконец-то хорошо...

- Ага, - кивнул Андрей. – И как мало для этого надо – всего-то шесть миллиардов трупов... Ладно, пойдем, посмотрим, как там наши – я их попросил до ланча собраться в Западных флешах.

Они прошли по длинному замковому мосту и свернули к старым городским воротам в западной стене. Между внутренними и внешними воротами, в широком высохшем рву, горожане давно, еще до чумы, устроили арены для боев. Начиналось все с состязаний лучников и боев на турнирных мечах. Затем добавились конные поединки, и, наконец, во флешах открыли тир для стрельбы настоящими пулями и оборудовали место для метателей боевого холодного оружия. Сейчас здесь собрались почти все из оставшихся в живых соратников Андрея.

Ферзь развлекался метанием сюрикенов; Миша, толстый, неуклюжий, в защитных наушниках азартно стрелял из автомата по реалистично выполненным манекенам; капитан Макаров фехтовал с Геркулесом на тяжелых драгунских палашах; Мария и анархист Пьер спорили о способах защиты от удара кинжалом снизу, поминая Степняка - Кравчинского.

- Коллеги, - негромко произнес Андрей. – Есть сообщение.

...Последним подошел Миша, из-за выстрелов и наушников совершенно не воспринимающий ничего, кроме крошащихся под пулями манекенов.

- Я принял решение, и оно не обсуждается, - начал Андрей. – Мы победили. Но впереди еще много работы. Сперва я думал основать орден, заказать у краснодеревщиков круглый стол и отправить вас в мир защищать справедливость. Но потом – собственно, только что, в беседе с Ольгой, - мне

пришла в голову иная мысль. Мы, уничтожив в этом мире то, что считали нужным уничтожить, поступили как свободные люди. Но мир вновь воспроизведет все самое мерзкое, всех этих латинских чудовищ по имени “патернализм”, “толерантность”, “сервильность”, “пацифизм”...

- Пацифизм – это с древнегреческого, - вмешалась Мария.

- Хорошо – “политкорректность” - а? – подождал Андрей возражений, не дождался, продолжил, - “конформизм”... Хватит, положим. Мы не уничтожим их, не наделив всех оставшихся людей на планете – всех оставшихся, а это несколько сот миллионов все-таки – не наделив их тем, что есть у нас – свободой. Свободой поступать как должно, без оглядки на полицию и бандитов, правительство и ООН. Что даст людям эту свободу? То же, что дало её и нам – сила! Мы должны сделать людей сильными. Мы должны дать им оружие; научить им пользоваться; и вменить в обязанность – использовать его при первой же необходимости. Мы должны внушить им, что защищать свои интересы – не право, а обязанность. Начнем с жителей нашего города. Отныне никто не будет наказан за убийство, совершенное при отстаивании своих интересов. Все смогут защититься от оскорблений и наказать обидчика. Любой житель этой планеты будет знать, что за бранное слово на улице, замусоренный чужой двор, мошенничество в делах, и за все такое прочее его может ожидать смертельный удар. А чтобы уравнивать сильных и слабых, богатых и бедных, я разрешаю бить исподтишка. Все, что я сейчас произнес, коллеги, вступает в силу немедленно и никем не оспаривается. Прошу вас принять необходимые меры к раздаче оружия горожанам и, пожалуйста, возьмите на себя труд, обучите тех, кто не умеет пользоваться им – хотя бы теоретически.

- Убивать можно? – спросила Мария.

- А чем мы тут уже пять лет занимаемся? – захихикал Миша.

- Я говорю, - досадливо отмахнулась Мария, - можно убивать, исходя из личных интересов?

Андрей, предчувствуя неприятность, кивнул.

Мария подошла к Ольге и, резко выхватив кинжал из-за пояса, попыталась ударить ее снизу под ребра. Но Ольге удалось отшатнуться. Острие распороло кожаный камзол. Второго удара Мария нанести не успела – капитан Макаров огрел ее по кисти палашом – к счастью, плашмя. Кинжал вылетел и вонзился в дерн у ног Андрея.

Марии было очень больно; ее лицо посерело, но она молчала. Пьер намочил платок и приложил его к опухающей на глазах кисти Марии.

- Пьер, проводите Марию к врачу, - нарушил молчание Андрей. - Хорошо. Кто еще хочет сказать что-нибудь?

Геркулес вышел вперед.

- Маса Андрей, Геркулес просит дать ему свободу. Геркулес помнит, что маса Андрей спас его, не убив вместе со всеми черными братьями, но Геркулес много работал на маса Андрея и заслужил свободу. Он просит отпустить его назад в джунгли.

- Детский сад какой-то! – вздохнул Андрей. – В какие джунгли? Какие черные братаны? Ты же в Киеве родился! Впрочем, поезжай, куда хочешь. Дозы, которую мы тебе вкатили, хватит на половину бессмертия. Следующий!

Но больше никто говорить не пожелал.

- Проводи меня до библиотеки, - попросила Ольга. – Я теперь должна ходить, запахивая левой рукой этот пикантный разрез.

На мосту через внешний ров, уже за воротами, она задумчиво произнесла:

- Наверно, стоило бы врезать тебе по морде...

- Можешь не верить, - бесцветно произнес Андрей, - но, по - моему, я не давал Марии повода так поступать.

- Это – по-твоему, - пожала плечами Ольга.

В затхлой воде рва что-то шевелилось; поднимались со дна и лопались, опадая белой пленкой, черные пузырьки; ветер доносил запах гнили и

разложения.

- Будь со мной, - сказал Андрей. – И ничего больше. И никого кроме. Пророк разрабатывает – в тайне, но я-то знаю – ритуал венчания новой эры, специально для совершенно свободных людей. Он будет счастлив. И я буду счастлив.

- И я, - кивнула Ольга. – Я уже счастлива. Черт с ним, с костюмом. Пойдем ко мне.

И они пошли по лесной дороге, сквозь начинающийся листопад, к усадьбе баронов Н., где Ольга восстановила разрушенный библиотечный флигель, и по дороге беседовали о разных пустяках – к примеру, о мировых ценах на кофе, перспективах пушной торговли, неожиданному, но очень приятному росту поголовья всей дикой живности в окрестностях города, урожае капусты, вновь появившихся королях – и о том, что не плохо бы съездить на полгода в Европу, там сейчас хорошо, все сторонники общечеловеческих ценностей вымерли, у них оказался пониженный иммунный барьер, интересно, что из этого было первичным, теперь Европа вполне правый континент, никто там больше не цацкается с обитателями трущоб и помоек, и по ночам можно спокойно ходить по улицам...

Усадьба стояла на острове, отделенная от воды скальным выступом. Вокруг стрекотали сверчки. Пахло опавшими листьями. Навстречу Ольге из ворот выбежали ее большие лохматые собаки и завиляли хвостами, скуля от радости...

Какими вы не будете

(21 век. Полночь. Мир без добра и зла)

“... - Тогда я хотел бы прибавить в заключение следующее. Говоря словами великого полководца и джентльмена сэра

Генри Уильсона: джентльмены, одно из двух: повелевать будете вы, или повелевать будут вами. Разрешите мне повторить. Джентльмены, мне хотелось бы, чтобы вы твердо это запомнили. Твердо запомнили и унесли с собой, уходя из этого зала. Джентльмены, одно из двух: повелевать будете вы, или повелевать будут вами.”

/Эрнест Хемингуэй.
“Какими вы не будете”,
1933 г./

“Ты увидишь - в дальнем синем
море
Бригантина поднимает паруса.”

П. Коган, 1937 год.

Американец и его подруга сидели в шезлонгах, под полосатым тентом, скрывающим верхнюю палубу шхуны “Эспаньола” и пили ледяное пиво, наблюдая, как шлюпка двигается от шхуны к острову. Воздух вокруг “Эспаньолы” был такой плотности, что шлюпка, казалось, отталкивалась веслами от него, а не от тяжелой темно-серой воды. Бобер спал, положив голову на снятый с пулемета кожух. Сэр Марк уныло свистел дудочкой, призывая ветер. Был полдень. “Купец” мог появиться только к вечеру - и только в том случае, если на нем еще не сожгли запас угля.

Подруга американца сказала:

- Как жара меняет цвет. Этот остров утром был зеленой черепахой.

- А сейчас выглядит белым слоном, - сказал американец.

- Никогда не видела белых слонов, - помолчав, произнесла девушка. - Хотя, кажется, все это уже кто-то говорил.

- Конечно. Все уже сказано, - ответил американец. - Удивительно, что раньше я не понимал этого.

- Чего - этого?

- Того, насколько ты мне необходима. Помнишь, в Кейптауне?

- Когда - облава? Помню.

- Я ведь бросил тебя там.

- Ну, мне - то по правде ничего не угрожало. Ночь в кутузке с проститутками - и все. Искали-то тебя.

- Искали Санчо и Бобра. Я просто попался под руку. Не оправдывай меня. Все равно я тебя там бросил.

Остров тихо звенел и покачивался в мареве. Мимо шлюпки, покинутой людьми и застрявшей вне времени на полосе прибой, проплывали странные вещи,

предназначение которых угадывалось с трудом.

Бобер очнулся и сразу же понял, что голова болеть не перестала.

- Нэя! - позвал он слабым голосом.

Этого усилия хватило, чтобы его желудок сжался и извергнул свое содержимое. Подошла Нэя со шприцем и Кэп с ледяным пузырем. А Боцман сел к пулемету и принялся менять лед в охладителе.

Бобер хотел было сказать, чтобы он не старался, потому что до вечера стрельбы не будет, но сил на это у него уже не было.

Диана и Санчо тихо ступали по песку острова. Земля под ногами шаталась, как всегда после долгого пребывания на воде. Волны запахов леса смешивались в их памяти с вонью и сыростью кают.

- Как же мне надоело все это, - Санчо, взмахнув мачете, резко перерубил валявшийся ящик, и оттуда потоком хлынула прибрежная живность. - Духота, тяжелые ночи, страшные дни, запахи, насекомые, скрипы шпангоутов, твои сладкие стоны из капитанской каюты, гнилье, гнилье, везде все прет и гниет, начиная от пальцев ног, кончая парусами...

- Ты когда-то говорил, что сделаешь для меня все, что я захочу, - сказала Диана.

- Конечно, леди, - ухмыльнулся Санчо.

- Так заткнись, прошу тебя, - не оборачиваясь, сказала Диана и достала пистолет.

Впереди что-то не то хрюкало, не то гавкало.

- Это еще не то или уже то, что мы ищем? - шепнул Санчо.

Внезапно хрюканье сменилось визгом, потом хрипом, а потом из кустов появился негр Геркулес, неся на плече оглушенного местного.

Местный был так себе - землистое лицо, низенький, скуластый, в оспинах. Диана приггла его сигаретой, и он очнулся.

- Жрал какую-то дрянь с куста, - сказал Геркулес.

- Малину, - уточнил местный.

- Какая малина - в июне? - удивился Санчо.

Диана показала местному сигарету и спросила:

- Яйца предпочитаешь печеные или вареные?

Местный замычал и закатил глаза. Его потащили в шлюпку.

Американец сходил на палубу за новой порцией пива.

- Я не могу отделаться от мысли, что Гриф жив, и где-то рядом, - сказал он, тяжело опускаясь в шезлонг.

- Он был подонком, он пил, он пил и бил меня, бил..., - девушка смотрела на горизонт, пытаясь разглядеть черное облачко дыма. - Знаешь, что он любил делать? Выставлял меня перед приятелями в одних чулочках с подвязками. Их возбуждение его заводило.

- Я помню. Я ведь сам там бывал... Ты любила его. Я помню.

- Любила. И сейчас люблю. Я такая вот тварь.
- Наверное, так. Тварь.
- Любила его, а трахалась с тобой. И не только с тобой.
- Знаю. Все знаю. Не знаю только, почему.
- Говорю же, что тварь. Он был для меня... он меня взял с улицы, он научил меня играть на гитаре и пользоваться дезодорантом, он кормил меня настоящей едой и даже давал деньги на карманные расходы. А я видела в нем пропуск в иной мир. Понимаешь? Я через него попадала... Хотела попасть в большой мир и остаться в нем навсегда, не зависеть от его воли, не ждать, что в любой момент он вышвырнет меня, как надоевшую сучку опять под лестницу.

- Ну, вот теперь ты не зависишь от него.

- Зато я завишу от тебя.

- Я - это другое.

- Да. Ты совсем другой. Ты грабишь корабли не для денег. Это твоё хобби; экстремальный туризм. Ты убиваешь не для того, чтобы съесть, а для игры. Ты как кот. Но в остальном ты точно такой же. Ты просто мужчина.

- Мужчиной быть не просто.

- Зато ты видел белых слонов.

- Всего одного. В кино. В детстве.

- Я так люблю тебя.

- Я знаю. Но это не так.

Шлюпка причалила к борту шхуны, и Бобер помог поднять местного на палубу.

- Ты будешь говорить? - спросил Кэп. Он только что побрился и надел свежую белую рубашку.

Местный кивнул. Его трясло.

- На острове есть "черные"?

- Нет. Но они иногда приплывают.

- Зачем?

- За едой. Мальчиками. Женщинами.

- Тебя часто имели в детстве?

- Нас всех часто имели. В детстве.

- Маяк, который на южном мысе - действует?

- Нет. Он сгорел.

- А бакены стоят на фарватере?

- Осталась только пара. Шторм был, унесло.

- Вы убиваете "черных"?

- Зачем? Это бесполезно.

- Все в этой жизни бесполезно, разве ты не знаешь? Ты хочешь жить?

- Да.

- Ты раб, который с детства подвергался сексуальному насилию и при этом

не затаил мести. Зачем тебе жить?

- У меня есть дом. Жена. Дети. Животные. “Черные” забирают не все подчистую. Жить как-то можно. Мы молимся. Работаем. За ужином мы собираемся все вместе, и я читаю им книгу. Я умею читать. У меня есть свечи. У меня светло по вечерам. Дети делают игрушки из раковин, жена шьет. Если они шумят, я говорю им “цыц!” и они слушаются меня. У меня есть собака, и я кормлю ее. Она любит меня. Они умрут без меня!

- Диана, - позвал Кэп. - Убери его и сделай с ним, что хочешь. Санчо. Возьми гранаты и потопи последние бакены.

Геркулес взял бутылку водки из ледника, налил стакан и выпил залпом. Потом, тяжело ступая босыми ногами по трапу, поднялся на верхнюю палубу к американцу.

- Маса Айк, а у вас есть семья? - спросил он.

- Геркулес, вы задаете один и тот же вопрос вот уже три месяца плавания, - ответил американец. - Нет. Семьи. У. Меня. Нет. Ясно?

- Не сердитесь, маса Айк. А вот у меня есть семья. Моя большая семья.

С кормы донесся визг, похожий на пороссячий. Дальше несчастный стонал и выл на запредельной для человеческих связей ноте.

- Почему же ты ушел из семьи? Она что, была слишком большая? - лениво спросил американец.

- Деньги. Нужны были деньги, - Геркулес меланхолично качал тяжелеющей головой.

- Врешь ты все, - вмешалась девушка. - У тебя, как канонира, семнадцать долей! Семнадцать! У меня - три! А твой рундук пуст! Ты все спускаешь! На игру, на шлюх. Господи, да на этом чокнутом корабле никому не нужны деньги! Кэп и Диана просто ненавидят “черных”, Бобер - алкоголик, Марк - псих... Нет у тебя семьи, и не было никогда.

- Теперь, возможно, и нет, - легко согласился Геркулес. - Но раньше - была. Я ушел - не мог же я мотыжить кукурузу день - деньской за гроши!

- Сейчас это делают твои бывшие жены? - спросил американец.

- Три. Их три было у меня, маса Айк. Самой младшей, когда я ушел, было четырнадцать. Юная жопастая кобылка, стройная, горячая, неопытная... Теперь, наверное, пошла по рукам.

- Геркулес, а помнишь, на Мадагаскаре, ты говорил, что Гриф всех предал, и утек с денежками? А? И что ты выследил его, и пристрелил, как собаку, вместе с его шлюхой, певичкой? - девушка тихо говорила, а вопли с кормы слились во что-то неестественно жуткое.

- Диана сегодня в ударе, - пробормотал американец.

- Так вот, Геркулес! Слушай меня, негритянская образина, семьянин-недоумок! Не тебе, предателю своей семьи, обвинять в предательстве таких людей, как Гриф! Не тебе, понял?!

- И не тебе, белобрысой сучке, читать мне мораль! Когда ты была брюхатая от Грифа, я, что ли, заставлял тебя каждое утро у меня отсасывать, пока все спали?

- Может, хватит? - сказал американец. - Я понимаю - жара, водка, ожидание боя, Диана тут развлекается... Но вы взгляните вокруг. Да, живем паршиво. За счет других. Несправедливо. Но ведь остальные живут еще хуже. Еще гаже. Мы - единственные, кто нашёл баланс между свободой и силой, единственные, кто их совместил, не поступаясь ни тем, ни другим. Мы - свободны в своих поступках. В этом мире, в котором больше нет ни зла, ни добра. И что бы мы ни выбрали, тем, что мы демонстрируем этому небу над нашими головами возможность выбора, оправдывается любое зло, причиненное нами. Потому что если на этой планете не будет нас, таких как мы, то на ней вовсе не останется свободных людей. Зачем же жить тогда остальным? Чтобы мотыжить кукурузу и кормить семью?

Желтое марево скрадывало очертания компаса, трубки, кисета, судового журнала, чернильницы с гусиным пером. Сэр Марк бросил дудеть в дудочку и запрыгал, хихикая и показывая рукой на горизонт:

- Дым! Дым!

- Большой столб для “купца”, - задумчиво заметил американец.

- Индийский уголь жгут, - сказала девушка. - Он дымный.

- Всем занять места по боевому расписанию! - скомандовал капитан.

- А Санчо?

- Он нас найдет. Диана! Добей этого и иди сюда.

Со скрежетом поднималась якорная цепь. Полетело за борт тело истерзанного существа, бывшего по рождению человеком. Сэр Марк, размахивая какими-то тряпками, бегал по нижней палубе, кричал невнятное, подпрыгивал и грозил дыму кулаком. Небо плотно прижало шхуну к воде.

- Скажи мне что-нибудь, - попросила девушка американца.

Он встал, подошел к леерному ограждению и, подумав, произнес:

- Я сейчас умру. А ты, если выживешь, запомни. Я прошу тебя, вот что запомни. Либо ты правишь, либо правят тобой. Третьего не дано. Я прошу тебя. Не надейся на них. Свое бери сама. Убей всех, кто выживет. Возьми только алмазы, они ценнее и легче. Постарайся вырваться отсюда. Я знаю, везде одно и то же, и все же постарайся. Если у тебя не выйдет, тогда я даже и не знаю, у кого... И прощай. Моя маленькая, распутная сучка.

- Почему... с чего ты взял, что ты сейчас умрешь? - с тревогой спросила девушка.

- Потому что это не купец. Это королевский паровой фрегат. Нам не уйти, машины слабы, а ветра нет. Я не умею плавать. А ты умеешь. Ты сейчас прыгнешь в воду и доплывешь до острова. Потом обыщешь останки “Эспаньолы” и убьешь - слышишь? убьешь любого, кто будет жив и сможет тебя опознать,

любого. Даже меня. А потом... Прыгай!!

Прощай, оружие!

(21 век, полночь. Остров в океане)

Зайдя по колено в бирюзовый океан, девушка сачком зачерпывала ракушки со дна и складывала их в висевшую на левом локте корзину из тонких, медового цвета, прутьев. В глубине песчаного берега, под влажной дырявой тенью большого дерева старуха раздувала огонь в маленьком очаге. Наловив достаточно для завтрака, девушка вышла из тёплой воды и вывалила в котелок старухи свою добычу. Они молча уставились на огонь, дожидаясь, пока моллюски схватятся кипятком. Потом так же молча съели их, разделив ракушки на две равные горки. Наступала жара. Девушка и старуха выбрали место, где их точно не задела бы жгучие лучи Солнца, и улеглись подремать, положив под головы охапки мягких свежих веток.

Проснулись они, когда Солнце начало клониться к закату. Девушка напилась из ручья, поела каких-то желтых фруктов и ей стало скучно. Старуха сидела неподвижно, уставившись в океан, смотря на переливающиеся на линии горизонта минуты, планирующие с бесконечности неба в бесконечность вод. Ее губы беззвучно шевелились, седые патлы колыхал легкий ветерок.

- Тетя Лотта, о чем думаешь? – окликнула девушка старуху.

- Думаю, думаю, - эхом откликнулась Лотта. – Сижу и думаю...

- О чем, тетя Лотта? – повторила девушка.

- Как мы виноваты, - покачиваясь из стороны в сторону, проговорила Лотта, - как мы виноваты перед вами.... Мы были господами в своем мире, и сами отказались от господства. Мы не понимали, что если не будем господами, то станем рабами.... Мы надеялись на милость будущих господ и готовились стать мудрыми белыми учителями юного мира. А быть господами – тяжело! Ох, как

тяжело! Нельзя быть слабыми. Нельзя быть свободными. Нельзя жить, как хочется, пить, курить траву, любить кого ни попадя; нельзя ходить голым, когда захочешь, вот как ты сейчас.... Надо быть господином всегда – или станешь рабом, падалью, тварью, вот как я....

- Ох, тетя Лотта, - вздохнула девушка. – Все уже закончилось. Я же тебе говорила, а ты не веришь. Они все умерли. Пришла чума, и они все умерли.

- Да-да, я помню, они все умерли, - повторила Лотта. Ее глаза вновь устремились на линию горизонта, заслезились, заморгали, и она расплакалась.

Девушка уже не была рада тому, что ее разговорила. Она встала на колени так, чтобы ее лицо было вровень со старухиным, и поцеловала морщинистый лоб.

- Тетя Лотта, не плачь. Я тебя люблю. Не плачь, пожалуйста. Сейчас мир совсем другой. Сейчас можно убивать врагов и ничего тебе не будет, не старые времена. Сейчас вся земля наша, тетя! Ты представь только – нас всего-то миллионов сто на всей планете, и все говорят на одном языке, и все – одной расы... Я только одного негра видела, Геркулеса. О, он очень старый, Лотта. Он выглядит молодым, потому что ему вкололи лекарство от желтой чумы, только это он просил никому не говорить, но это же не важно, он тоже умер, тетя, его убили люди короля. Хотя какой он король – просто свихнувшийся на феодализме миллионер... Смешно, у нас весь корабль был сумасшедший, я, наверно, тоже немного с придурью. Геркулес все рассказывал о прошлом, как если бы в Африке жил. А он в Африке-то никогда раньше и не был... Тетя, тетя, ну поплывем отсюда, “черные” нас не тронут, они честные, мы алмазом откупимся, а дальше – острова “зеленых”, а дальше - материк, и там – города.... А в городах хорошо.... Там еда есть. Мне уж ракушки вот где надоели!

- Города... это хорошо..., - эхом отозвалась Лотта. – Смотри, тучи идут. Дождь будет. Девочка, где мы там будем жить?

- В самом лучшем месте, - ответила девушка. – У нас же есть алмазы.

- Как ты все устроишь?

- Наилучшим образом. У меня знакомые в каждом порту.

- Милая, я боюсь. Я хочу умереть здесь, я устала. Плыви одна, я отдам тебе катер и канистру.

- Ты мне не веришь, тетя Лотта, - огорченно произнесла девушка. – Не веришь, что мир изменился. Когда оружие у всех, это очень меняет все. У нас всем обязательно надо носить оружие. И если видишь, что что-то не так, ты обязан им воспользоваться. Грабят ли кого, или чужак какой уродливый появится, или девушку обижают – надо стрелять. Понимаешь, Лотта, убивать теперь не просто можно, но и нужно!

- Я старуха, - упрямо помотала головой Лотта. – Я не смогу никого убить.

- А мы будем вместе, тетя! Мы не расстанемся. Ты спасла меня, в а спасу тебя. Мы тебя вылечим, покрасим волосы, уберем морщины и выдадим замуж!

- Девочка, плыви одна, - тихо прошептала Лотта. – Пожалуйста. Я ненавижу оружие. Я ненавижу смерть. Я не хочу жить такой ценой.

- Так ведь все равно убивать приходится, хотя бы те же ракушки, - удивилась девушка. – Человек живет, пока отнимает чужие жизни, этому же в первом классе учат!

- Одно дело – улитку убить, другое – человека, - сказала Лотта, но неуверенно.

- Иной человек хуже улитки и непременно опасней, - ответила девушка.

- Не смогу я, - бессильно произнесла старуха. – А ты уплывай. Завтра. Или нет – послезавтра. Да, послезавтра. Я соберу тебе орехов в дорогу.

Ветер усилился. Потемнело. Рваные тучи неслись над самой поверхностью воды, касаясь белых пенных гребней волн. Зеленые заросли на острове пригнулись под напором наступающего шторма. На девушку и старуху упали первые капли дождя.

- И уплыву! – со злостью сказала девушка. Ей было холодно и обидно. Она всхлипнула и пошла в свою хижину под дождем...

Эпилог.

Я не застал Андрея и Ольгу, когда, наконец, добрался до Замка. Они уплыли в Европу год назад, и никто из них не вернулся с тех пор. В последнем письме, полученном Ферзём от Андрея, тот писал, что расстался с Ольгой и уезжает в Америку, чтобы “стать совершенно иным из возможного”. О причинах разлада ни Андрей, ни Ольга не сообщали. Слухи, которые доходят до нас, самые странные - говорят даже, будто Андрей купил парусник и занялся пиратством в Карибском море. Хотя, с другой стороны, его натура всегда требовала экспериментального подтверждения социальных теорий - а что лучше пиратства или войны идеально совмещает свободу и силу? Впрочем, об этом уже писал Хемингуэй.

Здоровье у меня давно не блестяще. Переболевшие жёлтой чумой вообще живут плохо. Но, к счастью, не долго. Всё время, которое мне оставляет боль, я стараюсь проводить в библиотеке, пришедшей после отъезда Ольги в упадок, где читаю рукописи Андрея. Со временем острее начинаешь осознавать и его величие, и собственную малость. Возможно, только тем и вспомнят меня, что поверх моей судьбы легла тень великого человека, навсегда изменившего мир, уравнив добро и зло, и тем самым уничтожив как одно, так и другое...

Как он пришёл к идее тотальной борьбы с миром? Откуда у него взялись силы этот мир одолеть?

Для меня это - по-прежнему загадка.